

Стенограмма парламентских слушаний на тему
«15 лет со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:
стратегия совершенствования уголовного правосудия»

20 декабря 2016 года

Е.Б. МИЗУЛИНА

Уважаемые участники парламентских слушаний! Прежде всего, благодарю за ваш интерес к этим парламентским слушаниям. Для нас это очень важно, потому что такого рода публичные обсуждения совершенствования уголовно-процессуального законодательства, к сожалению, проводятся в последнее время очень редко. А между тем закон, тем более уголовно-процессуальный закон (и не здесь это говорить), – это результат согласия различных общественных интересов и государственных интересов. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства не может совершаться кулуарно, потому что это может приводить к очень большим проблемам. И, кстати, я думаю, сегодня в ходе парламентских слушаний о ряде таких проблем мы и будем говорить.

Вам розданы материалы, которые подготовили мы и наши специалисты, Парламентская библиотека, посмотрите их, пожалуйста. Мы вам раздали проект рекомендаций. Этот проект рекомендаций парламентских слушаний весьма условный, но мы к нему приложили письменные предложения, которые поступили в рамках подготовки к парламентским слушаниям, и мы вас благодарим за то, что вы направили такие предложения.

По ходу сегодняшних парламентских слушаний... Во-первых, вы можете что-то вписать в проект рекомендаций (там есть место) и передать нам эти рекомендации. Андрей Александрович Терехов – сотрудник аппарата нашего комитета, который занимается организационным обеспечением парламентских слушаний, и мы с ним будем отрабатывать эти рекомендации. Во-вторых, можно будет поправки, замечания или предложения к этим рекомендациям направить позднее, у вас есть неделя, но не больше, поскольку нам тоже нужно будет завершить работу над ними, одобрить их на заседании комитета и разместить на сайте комитета. Хотя, я смотрю, на заседание комитета мы уже не попадем в этом году, последнее заседание комитета будет 22 декабря. Тогда у вас есть время, мы сделаем это до 12 января, и, соответственно, затем уже мы предложим эти рекомендации на заседании комитета и разместим их.

Те, кто работал со мной над совершенствованием уголовно-процессуального законодательства, может, кто-то – и семейного, знают, что к рекомендациям, хотя они носят рекомендательный характер, я и все, кто со мной работает, относимся очень серьезно, поскольку

рекомендации позволяют организовать после парламентских слушаний последующую работу законодателей над совершенствованием того законопроекта или сферы, которая являлась предметом обсуждения.

И вообще парламентские слушания – это очень ценный инструмент в парламенте, поскольку он позволяет очень быстро разобраться в ситуации, в проблеме, требующей вмешательства законодателя, ибо круг специалистов, экспертов, которые участвуют, как правило, в парламентских слушаниях (а мы постарались, чтобы сегодня были представлены разные точки зрения), позволяет очень быстро получить по меньшей мере первичное представление о том, что происходит в той или иной правовой сфере. И в этом смысле ценность парламентских слушаний и ваших выступлений неоспорима.

И, конечно, мы обязательно включим в проект рекомендаций ваши основные предложения, которые прозвучат. Естественно, будет еще обсуждение окончательного текста на заседании комитета, но, соответственно, мы постараемся учесть в максимальной мере все предложения, которые здесь прозвучат, а дальше уже будем работать в соответствии с этими рекомендациями.

Обратите внимание: в рекомендациях есть как предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, так есть и рекомендации комитету относительно организации работы над поправками. То есть это могут быть рабочие группы, это может быть проведение серии парламентских слушаний и "круглых столов".

Мы вступаем в определенном смысле в юбилейный год уголовно-процессуальной реформы, потому что 18 декабря исполнилось 15 лет со дня подписания, то есть и принятия фактически, Уголовно-процессуального кодекса (дата подписания Президентом), а в следующем году исполнится 15 лет со дня введения его в действие.

1 января 2002 года у нас начался проект мониторинга (он длился два года), беспрецедентный по механизму и по результатам мониторинга. И хотелось бы, чтобы на будущий год комитет провел именно серию такого рода обсуждений, и в том числе применительно к мониторингу. Это очень актуальный механизм. К сожалению, почему-то не пользуются этой нашей методикой, хотя она оправданна, и мы о ней подробно расскажем, мы даже ее описали (я просто вижу здесь членов межведомственной рабочей группы, кто занимался мониторингом). В свое время на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры этот проект получил одобрение Президента Российской Федерации, потому что мониторинг позволял быстро выявлять нестыковки на практике, что не срабатывает, где, и достаточно быстро устранять такого рода

отсутствие взаимодействия или проблематичность. И, обратите внимание, те законы, которые принимались, когда был мониторинг (2002–2003 годы), очень взвешенные. Они шли в развитие концептуальных положений уголовно-процессуального законодательства и не порождали тех конфликтов, которые, к сожалению, имеют место сейчас.

Ну и, безусловно, актуальность еще связана с тем, что те проблемы, которые сегодня есть в сфере уголовного правосудия, появившиеся во многом в связи, к сожалению, со стихийным и несистемным внесением поправок в уголовно-процессуальное законодательство, в ряд других законов, которые регулируют деятельность особенно органов следствия, прокуратуры, фактически обернулись тем, что мы видим... Чисто ведомственный подход, узость, несистемность изменений в уголовно-процессуальное законодательство, ну и весь блок, который регулирует эту сферу (он больше, чем Уголовно-процессуальный кодекс), к сожалению, оборачиваются зачастую последствиями, которых никто не хотел. Но в этом и смысл обсуждений такого рода, многократных, – чтобы не допустить наступления нежелательных, непреднамеренных последствий, которые могут наступить, если они не продуманы при принятии закона. Так что такого рода предложения вы тоже можете формулировать как устно, так и письменно.

Записавшихся в число выступающих очень много. Мы максимально постараемся дать возможность выступить всем. У нас, вообще, зал до 15 часов, но, конечно, желательно, чтобы хотя бы в 14 часов 30 минут у нас была возможность подвести некоторые итоги нашей дискуссии.

И еще хотела бы обратить ваше внимание на то, что, коль скоро у нас такое длительное заседание, перерывов мы делать не будем, но вы спокойно, если вам что-то надо, можете выйти, вернуться, уйти, если у вас какие-то другие мероприятия. Пожалуйста, не надо писать записок, спокойно, аккуратно встали и ушли. Это все тоже нормально.

Цель сегодняшних парламентских слушаний – обменяться мнениями относительно ситуации, которая сегодня происходит в уголовно-процессуальной сфере. Ну а я от имени... по поручению комитета, точнее, поскольку мое выступление с комитетом не согласовано по большей части, то есть это во многом мое видение как законодателя, соответственно, постараюсь изложить, как видится проблема сейчас, что мы закладывали, когда принимали, и как вообще принимался Уголовно-процессуальный кодекс. Сейчас, спустя 15 лет, могу сказать, что если бы так работали над подправками в Уголовно-процессуальный кодекс, как работали мы в свое время, то, я думаю, очень многих появившихся новых проблем сегодня бы не было.

Я хотела бы передать приветствие и от Андрея Александровича Клишаса. Он по объективным причинам сегодня не смог быть, как и ряд наших коллег, потому что кто-то...

Верховный Суд... Я знаю, что в отпуске курирующий заместитель Давыдов Владимир Александрович, например, после съезда судей, это понятно. И к тому же сегодня с утра заседание Пленума Верховного Суда. Ряд коллег находятся в регионах, потому что конец года, вы знаете, как это сложно.

К сожалению, нет сегодня Алексея Ивановича Александрова. Мы с ним планировали проводить эти парламентские слушания совместно. Но я надеюсь, что на следующих "круглых столах" и парламентских слушаниях в следующем году он будет вместе с нами. С ним я проговаривала моменты, которые я сегодня озвучу для вас.

Итак, если вы не возражаете, я возьму слово (я думаю, что возражать тут сложно). У меня есть небольшая презентация, с тем чтобы нам было удобнее работать, чтобы не был чистый монолог.

Уважаемые участники парламентских слушаний! Как я уже сказала, 18 декабря исполнилось 15 лет со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. И в будущем году будет 15 лет со дня введения его в действие (1 июля) и начала реализации проекта мониторинга введения в действие Уголовно-процессуального кодекса в России.

Уголовно-процессуальный кодекс в свое время ознаменовал начало именно системной процессуальной реформы, что очень важно, в сфере уголовного правосудия. И, как оказалось, не случайно в течение многих лет не удавалось принять Уголовно-процессуальный кодекс, потому что уголовно-процессуальная реформа – самая сложная в реформе уголовного судопроизводства, в реформе сферы, которая обеспечивает уголовное судопроизводство. Организационные вопросы – затратные, сложные, спорные, политически тяжелые зачастую, но они оказались легче решаемыми, если можно так сказать, нежели та идеология, которая заложена в процессуальной реформе, потому что известно, что все, что человек видит, воспринимает, ощущает, он воспринимает сквозь призму идей. Соответственно, все, кто работает в сфере уголовного судопроизводства (а это прежде всего правоприменители), применяют закон именно так, как идеологически они настроены, а настраивает уголовно-процессуальный закон.

Началась судебная реформа, конечно, не в 2001 году с принятием уголовно-процессуального закона. Все вы знаете (а я уверена, что здесь собрался круг профессионалов в этой сфере), что еще в 1991 году была опубликована концепция судебной реформы, что рабочая группа, которая была создана в 1994 году в Администрации Президента во главе с Сергеем Анатольевичем Пашиным, подготовила общие положения концепции Уголовно-процессуального кодекса, эксперимент в 12 субъектах по судам присяжных тогда же начался в Российской

Федерации, но, к сожалению, на начало нынешнего тысячелетия Уголовно-процессуального кодекса так и не было.

Я не занималась им в Государственной Думе, хотя была депутатом. В частности, могу только сказать, что те законопроекты о поправках в Уголовно-процессуальный кодекс, которые в те годы находились на рассмотрении Государственной Думы, были очень далеки от требований Конституции, и фактически это были законопроекты, которые позволяли удерживать уголовное правосудие в тех рамках, в которых оно сложилось в советское время. Но уголовное правосудие для советского времени и Уголовно-процессуальный кодекс 1960 года для советского времени – это одно, а другое – принципы, которые заложены в новой Конституции, и соответственно новые требования к правоприменителям, новая значимость уголовно-процессуальной сферы.

Уголовно-процессуальный кодекс 2001 года – это четвертый Уголовно-процессуальный кодекс в истории новой России, после 1917 года. Он сменил Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 года. И если его сравнивать с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР 1960 года, то это принципиально другой кодекс. И ключевые вещи, по которым были особенно острые столкновения, состояли в том, что новый Уголовно-процессуальный кодекс (теперь уже не новый, а действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации), во-первых, пронизан необходимостью обеспечения принципа приоритета суда и судьи в сфере уголовного судопроизводства.

Не буду говорить о том, что же было по Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР, каковы были положение и роль судьи (фактически на стороне обвинения). Самое главное, действующий Уголовно-процессуальный кодекс построен на отказе от идеологии уголовного процесса как средства борьбы с преступностью и признании уголовного-процессуального законодательства и уголовного процесса как средства (или технологии) восстановления справедливости, в одинаковой мере обеспечивающего как справедливое наказание виновных (преследование и наказание виновных), так и недопущение уголовного преследования и осуждения невиновных. Это идеологическое переосмысление очень болезненно далось. И могу сказать, что до сих пор и ряд изменений в Уголовно-процессуальный кодекс, которые уже внесены, и попытки, которые продолжаются применительно к изменению уголовного-процессуального законодательства и уголовно-процессуальной политики, строятся на этой идеологии – идеологии уголовного процесса как средства борьбы с преступностью.

Например, даже Верховный Суд... сейчас на съезде и в рекомендациях принято, что он будет разрабатывать концепцию уголовной политики. Мои коллеги в комитете в концепцию

уголовной политики включают и уголовно-процессуальное законодательство. Но уголовная политика и уголовно-процессуальная политика – это совершенно разные вещи. Уголовная политика государства направлена на борьбу с преступностью, как бороться с преступностью наиболее эффективно, как предупреждать преступления. А уголовно-процессуальная политика отвечает совершенно на другой вопрос, не на вопрос о борьбе с преступностью и эффективности борьбы с преступностью, а как восстановить справедливость, как обеспечить неотвратимость наказания виновных, как не допустить наказание и преследование невиновных. Именно уголовно-процессуальная политика – это показатель отношения государства к человеку. Если государство уважает, бережно относится к человеку, то оно принимает законы, удерживающие должностных лиц государства, государственные органы от произвола в этой сфере, от применения процессуального принуждения к невиновным людям.

Согласитесь, если борьба с преступниками и обвиняемыми осуществляется произвольно и без ограничений, то она в одном ряду с борьбой с классовыми врагами, с врагами народа. Уголовный процесс, если он используется как средство борьбы с преступностью, превращается в не что иное, как производство виновных, и виновным может стать любой, на кого укажет следователь, дознаватель, а затем закрепит это положение судья. А вот если уголовный процесс используется как средство восстановления справедливости, тогда это и есть производство справедливости в стране, тогда это и есть производство, формирующее доверие власти и общества.

Спустя 15 лет можно утверждать... Первый слайд можно показать, кстати, очень важный момент. Посмотрите, в определенном смысле девиз уголовно-процессуальной реформы, который заложен в основе всей идеологии, состоит в том (для понимания отличия Уголовного кодекса от Уголовно-процессуального кодекса), что Уголовный кодекс – это кодекс преступного населения, что является преступным, а Уголовно-процессуальный – это кодекс честных людей. Только в уголовно-процессуальной сфере тот, кто подозревается, обвиняется, если он не виновен, он сможет противостоять государству и всей государственной машине. Еще Энрико Ферри говорил (еще один очень хороший тезис, который очень многие ученые повторяли после него, это все-таки XIX век), что несовершенство уголовного кодекса можно преодолеть с помощью совершенного уголовно-процессуального. И если вы сравнивали уголовные кодексы многих стран, то видели, что они зачастую не очень подробные, а достаточно... нормы широкие, недифференцированные, объективная сторона такая... дает свободу усмотрения. Но зато уголовно-процессуальные законы, уголовно-процессуальные правила очень дробные. И, наоборот, даже самый совершенный уголовный кодекс, говорил Энрико Ферри, с помощью несовершенного уголовно-процессуального

закона можно превратить в ничто, когда любой самый честный, самый невинный, самый непроступный, самый непричастный с легкостью может стать в один момент преступником.

И второе, из чего мы исходили, когда работали над нормами Уголовно-процессуального кодекса, состояло в том (и это никто не сможет опровергнуть), что вероятность ошибки – в природе уголовно-процессуальной деятельности. Потому что мы (и следователь, и прокурор, и дознаватель, и судья – все основные участники, от кого зависит принятие решений) имеем дело с событиями, которые были в прошлом. Ну, соотнесите с историей. Разве историки не спорят относительно того, что было в прошлом? Вы посмотрите, какие здесь споры зачастую бывают! То есть вероятность ошибки здесь тоже может быть, потому что очевидцами этих событий не могут быть ни следователь, ни прокурор, ни судья, ни адвокат, иначе они лица, заинтересованные в уголовном деле. Они в лучшем случае могут быть только свидетелями. Соответственно, уголовно-процессуальный закон должен быть построен не только как инструмент, как расследовать, как собирать доказательства, как преследовать подозреваемых, обвиняемых, но и как не допустить вот этой ошибки. Именно в сфере уголовного судопроизводства меры, которые ограждают от ошибки, очень важны, столь же важны, сколь и сама процедура уголовного преследования, обвинения, наказания виновного. Она, конечно, составляет основу, но еще раз скажу, что неотделима и вторая часть.

Спустя 15 лет можно утверждать, что процессуальная реформа (уж это точно) дала очень мощный толчок не только развитию судебной системы, но и развитию прокуратуры, следствия, адвокатуры, появлению новых научных школ, научной литературы, усилению материально-технической базы. Появилось очень много новых институтов – и процессуальных, и не только, и они перекочевали во многие другие – и в гражданский процесс, и в арбитражный процесс соответственно.

Поэтому в целом, даже с этой точки зрения, сама процессуальная реформа – это интересный период в истории законодательства Российской Федерации. Но в связи с этим уместно вспомнить, как проходила работа над Уголовно-процессуальным кодексом (второй слайд, пожалуйста, по хронологии), сейчас, когда уже остыли горячие споры, когда можно действительно взвешенно посмотреть и обсудить, так было или не так, в чем были ошибки, что нужно сейчас исправить, – вот это самое главное. Нужно вспомнить о том, как эта работа проходила.

К работе над Уголовно-процессуальным кодексом я подключилась в 2000 году. И 13 апреля 2000 года комитет по законодательству, который возглавил Павел Владимирович Крашенинников (это был его первый созыв, я стала его заместителем), предложил мне вести эту

работу, зная, что, как ученый, я долгие годы занималась именно этим законодательством и судостроительством, предложил создать рабочую группу и принять в работу принятый в первом чтении еще в 1997 году проект уголовно-процессуального кодекса, который к этому времени уже оброс невероятным количеством заключений, отзывов, замечаний. Больше 3 тысяч поправок к нему было (3066 поправок), которые выносились на рассмотрение Государственной Думы.

Когда мы собрали рабочую группу в количестве 42 человек, которая была при комитете (а до этого над данным проектом закона работал комитет Лукьянова Анатолия Ивановича), оказалось, что работать в такой группе невозможно, не в силу численности, а в силу того, что людей, представляющих абсолютно разные идеологии, разные научные школы, примирить невозможно. Каждое заседание превращалось в бесконечные ожесточенные споры. Я просто беспокоилась, как бы инфаркт у кого-нибудь не случился (я ничуть не преувеличиваю). Соответственно, было принято решение с 5 по 7 сентября (в начале сентября) провести расширенное заседание на базе отдыха "Истра" Генеральной прокуратуры Российской Федерации. В нем в результате приняли участие более 100 человек – ученых, представителей разных ведомств. Там удалось договориться, и очень много было принято рекомендаций, 13 из них касались концептуальных положений уголовно-процессуального законодательства. И практически все участники высказались за то, чтобы была создана рабочая группа при комитете по другому принципу – на основании равного представительства различных ведомств, научных школ, так, чтобы не было перевеса ни одного ведомства в этой межведомственной рабочей группе, чтобы действительно были представлены позиции всех основных участников уголовного процесса. И это было сделано. 26 октября комитет такую группу утвердил. (Третий слайд.) Посмотрите состав этой группы. 14 человек, по фамилиям можете видеть, кто это. Позднее к нам присоединились Масленникова Лариса Николаевна, Резник Генри Маркович, Семеняко Евгений Васильевич. И на разных "круглых столах", парламентских слушаниях еще потом круг расширился, в том числе региональные и адвокаты, и судьи участвовали вместе с нами.

Еще что очень помогло работе? То, что (четвертый и пятый слайды) 28 ноября Президент Российской Федерации издал распоряжение образовать рабочую группу по вопросам совершенствования законодательства о судебной системе. Возглавил эту рабочую группу Козак, меня пригласили туда координировать подгруппу по уголовно-процессуальному законодательству. В состав группы, кстати, вошли (пятый слайд покажите) из нашей думской команды Демидов Владимир Венедиктович, Петрухин Игорь Леонидович, Разумов Станислав Александрович (их уже, к сожалению, нет с нами).

Этой группе при Президенте была поставлена задача сформулировать концептуальные положения относительно совершенствования уголовно-процессуального законодательства. И такого рода концептуальные положения были сформулированы (пожалуйста, шестой слайд), они легли на стол Президенту. Вот так они выглядели. Это сводная таблица предложений по совершенствованию уголовного судопроизводства, подготовленных рабочей группой Козака, с которыми согласился Президент. Я по ним потом дам несколько комментариев, я выбрала только некоторые, их всего 36 было утверждено. Но замечу, что, когда была создана эта группа (28 ноября), мы стали работать параллельно: рабочая группа при комитете и рабочая группа при Президенте.

Фактически мы готовили материал... Наша рабочая группа (при комитете) заседала каждый день – и в субботу, и в воскресенье, и так фактически до 18 декабря 2001 года, до принятия закона окончательно. Даже тогда, когда 20 июня проект был принят во втором чтении, мы работали все лето, каждый день. Мы провели парламентские слушания (16 января, 9, 16 и 23 апреля 2001 года), два "круглых стола", выездную недельную конференцию, расширенное заседание временной рабочей группы в Ватутинках (два раза даже, по-моему, участвовали), куда приглашали очень широкий круг экспертов.

На всех этих "круглых столах", заседаниях рабочих групп шла работа над текстами, некоторые мы очень долго обсуждали, были очень жаркие споры. Все решения принимались голосованием рабочей группы (одно ведомство – один голос). Поэтому, естественно, в силу того что группа работала каждый день, у нас расширилось представительство ведомств, к нам потом и Оксюк Тарас Леонидович подключился, Зубов был на каких-то заседаниях, то есть у нас расширился круг, чтобы была взаимозаменяемость, но основной костяк был тот, который я вам показывала. Фактически у нас ни одна поправка, которая была бы принята рабочей группой (да, это шло через поправки, но мы фактически правили весь текст проекта уголовно-процессуального кодекса), не могла пройти без... То есть практически либо единогласное решение, либо только одно ведомство против. Но все концептуальные положения, по которым нам было очевидно, что здесь очень большой спор, мы вносили в рабочую группу Дмитрия Николаевича Козака.

И вот появилась сводная таблица предложений. Из 36... Давайте посмотрим ее, и я дам некоторые комментарии. В силу того что у нас не так много времени, я выбрала только некоторые, но они важны. Вот, пожалуйста, по задачам. В качестве задач уголовного судопроизводства – защита личности от незаконного, необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод и защита прав и законных интересов личности потерпевшего, а также законных интересов

общества и государства. Вот обратите внимание: статья 6 Уголовно-процессуального кодекса называется "Назначение уголовного судопроизводства", не "задачи". Почему мы не назвали задачами? Потому что задачи и цели может ставить субъект – лицо, орган, организация, а уголовно-процессуальный закон не может ставить задачи. У авторов, у разработчиков могут быть задачи. Поэтому мы после долгих споров обозначили, что это все-таки назначение судопроизводства. Кстати, и не только мы, Президент внес потом... это была его редакция статьи 6, это была поправка номер один среди тех поправок, которые он внес ко второму чтению тогда, в 2001 году.

Вторая (посмотрите, пожалуйста, это очень важно в ходе всех дискуссий, которые сейчас есть)... Это позиция Президента Владимира Владимировича Путина. Я вас уверяю: именно благодаря работе с ним в те годы... Я скажу, что это человек, который своим принципам не изменяет. Раз сказал (он очень последователен), он все это проводит в своей деятельности, на каком бы посту он ни был. Возложить процессуальную функцию уголовного преследования на прокурора – это мы предложили, а Администрация Президента согласилась с предложением рабочей группы (но это согласовано с Владимиром Владимировичем, просто, понимаете, нельзя здесь... как Президент, потому что ему же потом окончательный текст...): "Согласиться с предложением рабочей группы, изложив его в следующей редакции: "Возложить процессуальную функцию уголовного преследования на прокурора, имея в виду, что на прокурора при этом возлагается ответственность не за соблюдение законности и защиту прав личности, а за качество расследования уголовного дела и обеспечение доказанности обвинения". Это ключевой вопрос! Прокурор за это отвечает! Мы не случайно в перечне его поставили на первое место, именно прокурора.

Слайд седьмой, пожалуйста.

Посмотрите третий, специально тоже включила: "Исключить начальника органа дознания из числа участников уголовного процесса, предусмотреть при этом..." и так далее, не буду дальше зачитывать. Полностью согласились, даже без комментариев. Почему исключали начальника? Потому что начальник органа дознания... орган дознания, он встроен в различные ведомства. Прежде всего (тогда была милиция, а сейчас полиция), у них нет задачи расследования преступлений, объективного, беспристрастного и так далее, у них задача другая – борьба с преступностью, это вопрос номер один. Борьба с преступностью – для милиции (сейчас для полиции), в каких-то ведомствах – с конкретными видами преступлений и правонарушений. И эта задача, соответственно, сужает рамки расследования, потому что задает им определенный ранг.

Здесь доказательства, которые усомнят обвинение, они как бы не очень воспринимаются, не очень значимы. А для следователя (дознателя) должны быть важны все доказательства, потому что даже те, которые отрицают обвинение, позволяют проверить обоснованность и твердость обвинения, с которым потом выходить в суд.

Почему мы убрали именно начальника органа дознания из участников, оставив некоторые отдельные процессуальные полномочия? Потому что вопрос о процессуальной самостоятельности следователя, о принципе процессуальной самостоятельности очень важен. У нас были большие дискуссии относительно того, а может быть, нам, как до революции, расследование, следствие вывести в самостоятельную сферу? Да, до революции следствие было за судами, судебными следователями. Я скажу, что у нас даже с Вячеславом Михайловичем был разговор, но он тогда сказал: "Это нереально, не потянуть". Вот вы вспомните, в каком состоянии была судебная система тогда: и судей не хватало, материально-техническое обеспечение... Это 2000 год. Естественно, это было бы нереально, это неподъемно, поэтому вопрос отпадал. А как обеспечить?.. У нас был Следственный комитет тогда при МВД, в структуре МВД. Как это сделать? Соответственно, тогда мы могли только ограничиться одним – оставить следователя (дознателя) на стороне обвинения, честно сказав (что мы и сделали), что они занимаются обвинением. Но если бы мы это честно не сказали, то у нас не появилось бы то, что мы назвали институтом недопустимых доказательств. Потому что назначение института недопустимых доказательств, поддержанного Президентом, – прежде всего обеспечить баланс... устранить некоторый перевес обвинительных функций в ходе расследования. Потому что в досудебном производстве какая состязательность? Ее практически, конечно, не было, и, как опыт показывает, сегодняшняя практика, к сожалению, и не получается.

Так вот, соответственно, мы обсуждали этот вопрос, в том числе идею создания федеральной службы расследования (ФСР). Но то, что Следственный комитет мы называли Следственным комитетом, ФСР... У нас даже был подготовлен пакет поправок ко второму чтению в проект уголовно-процессуального кодекса. Это как раз 36-е предложение здесь, по которому Президент сказал: да, одобряю, но надо дополнительно проработать, поскольку это очень затратный механизм. И эти поправки были вынуты. Но сама идея о том, что следователь в ходе досудебного производства должен иметь статус расследующего, следователя, у нас обсуждалась. И могу сказать, что вся группа, независимо от ведомственной принадлежности, придерживалась этой позиции. Но тогда нам провести это не удалось. И хотя бы через минимизацию... Это диктует принцип процессуальной самостоятельности следователя в

досудебном производстве. Но хотя бы минимизировать зависимость дознавателя (особенно дознавателя!), потому что следователь в Следственном комитете при прокуратуре... там, конечно, это бóльшая процессуальная самостоятельность. Но на дознании, особенно в милиции, где вмешиваются задачи борьбы с преступностью, очень опасна такая прямая зависимость дознавателя от начальника органа дознания. Поэтому мы и попытались хоть каким-то образом какие-то гарантии процессуальной самостоятельности дознавателя обеспечить, убрав всеобъемлющие процессуальные полномочия у начальника органа дознания.

И очень жаль, что 30 декабря 2015 года федеральный закон № 440 вновь вернул начальника органа дознания в число участников в Уголовно-процессуальный кодекс, причем наделил его абсолютным объемом полномочий по отношению к дознавателю. Дознаватель в концепции нынешнего Уголовно-процессуального кодекса – это тот же следователь. Просто дознаватель и дознание в этой концепции (и проводится через весь закон) – это лишь упрощенная форма следствия, но это не есть какое-то противопоставление следствию. И так, в этом направлении, должен был бы развиваться уголовный процесс, так нам представлялось. Ну, вы скажете: может быть, вы были наивными и заблуждались. Хотя я скажу, что те представители с гигантским опытом работы на следствии, в судах, которые работали в ведомственной группе, не позволяли усомниться в этом. Поэтому начальник органа дознания... Я скажу, что, я уверена, все равно придется исправлять эту ситуацию, потому что у начальника органа дознания свои задачи, и не должен следователь, дознаватель (дознаватель в данном случае) находиться в такой административной зависимости от начальника органа дознания.

Кстати, надзор, который осуществляет прокуратура, и разграничение функций по надзору за следствием, и само следствие – это совершенно другая природа, особенно когда следствие вывели из системы прокуратуры. То есть никаких отношений "начальник – подчиненный" здесь нет, потому что надзор процессуальный.

Обратите внимание на продолжение (восьмой и девятый слайды). Здесь ряд положений, одобренных Президентом, которые касались вопроса снятия положений, фактически создающих основания для процветания обвинительного уклона в судебной деятельности. Потому что, ну, каким может быть судья, который принимает решение о возбуждении уголовного дела, еще первый допрашивает свидетелей, потерпевших, обвиняемых? Мы все это перевели на стороны прежде всего (инициатива сторон). И очень важно, чтобы судья в судебном процессе воспринимал себя не как человека, который полностью отвечает за качество обвинения и прочее, а как человека, который должен выслушать и одну сторону, и другую, остаться равно независимым по

отношению к обеим сторонам, чтобы у него действительно сформировалось объективное, беспристрастное представление о том, в чем справедливость применительно к данному процессу.

И здесь ряд правил, которые мы включили, обратите внимание, об обязательном участии прокурора. Это вызывало гигантские споры, сопротивление Генеральной прокуратуры, нам писали бумаги о том, что не хватает прокуроров. Поэтому мы в первичной версии УПК, вы видите, включили... пошли на уступку и по делам, подследственным органам дознания, разрешили, чтобы прокурор поручал это и представителям органов дознания. Но очень быстро эту норму изменили, она не понадобилась, потому что прокуратура (и штатная численность впоследствии... и вообще...) стала могущественным органом, со всем они замечательно справились.

Также очень большие возражения вызывали пункт 17 (о том, что не протест, а представление вносит прокурор) и еще ряд пунктов, связанных с тем, каковы права сторон в суде надзорной инстанции... Они тоже есть в предложениях Президенту, но я на них останавливаться не буду.

Обратите внимание, здесь еще среди предложений очень важный момент – это 14-й. Гигантские дискуссии были относительно института возвращения дела на дополнительное расследование. Статья 237, которая многократно правилась...

Я очень сожалею о Постановлении Конституционного Суда от 8 декабря 2003 года № 18-П, который дал слабину. Нельзя было давать слабину, потому что процессы у нас, к сожалению... Вот из-за того что есть, знаете, такая... как штрафной круг: можно снова и снова... Весь смысл был в том, что прокурор отвечает за качество обвинения, он главный. Соответственно, прежде чем подписать обвинительное заключение и направить дело в суд, пожалуйста, возвращай на дополнительное следствие, ты можешь это делать. Тем более по срокам применительно к предварительному следствию, скажу, УПК был достаточно мягким здесь. Мы ушли от того, чтобы ужесточить сроки, но это понятно, потому что следствие может затягиваться, особенно если оно сложное и многосоставное. Но, к сожалению, Конституционный Суд разрешил и наделил суд даже по собственной инициативе полномочиями возвращать дело.

Кстати, обратите внимание (я сейчас попутно по терминологии...), по терминологии-то у нас был пункт... Если вы возьмете тот наш, первый, УПК, а не тот, который сейчас, с небрежными терминами, у нас был продуман каждый термин. И это очень важно, потому что любой закон, а тем более такой инструментальный, как процессуальный, он состоит-то из терминов. Что у нас в законах? Термины и некоторые правила, которые всего-то на сочетании – запрет, обязанность, дозволение, ну, еще презумпция, фикция, преюдиция. Всего-то где-то шесть юридико-

технических приемов плюс термины. Юридические термины – это вообще один из ключевых моментов, чтобы они были четкими, точными. Пожалуйста, сплошь и рядом...

Нас тогда критиковали: "Что вы пишете? Почему вы не говорите о правах судьи, следователя, прокурора?" Да нет у них прав. Нет прав! Ну, все здесь юристы, не может быть прав у судьи, прокурора, следователя, у них полномочия. Чем отличается полномочие от права? Право субъективно: я – носитель права, субъект права, хочу – воспользуюсь, хочу – нет, это зависит от моей воли. Но у обладателя полномочий – нет, это не так, он не может не исполнять свои полномочия, он без работы останется. Поэтому он обязательно должен их осуществлять. А как он их осуществляет? Здесь уже участвуют и закон, и долг, у нас в УПК есть еще и совесть, и так далее, и механизм ответственности, если ненадлежащим образом полномочия осуществляешь, но это за рамками уголовно-процессуальной сферы.

Поэтому жаль, что статья 237... Все-таки возвращен этот институт, хотя, с другой стороны, скажу, что Конституционный Суд очень аккуратно высказался: возвращение возможно, но если это не связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия. Правда, что это такое – тоже не расшифровано. И, естественно, это порождает и злоупотребления.

Все эти обсуждения, которые мы проводили на заседаниях рабочей группы... И они обсуждались еще на заседаниях рабочей группы Козака.

Откройте слайд 10.

Президент Российской Федерации 4 июня внес поправки ко второму чтению. Это вообще почти беспрецедентная ситуация в те годы. Да и вообще я не знаю, где бы Президент Российской Федерации вносил поправки ко второму чтению. Но была именно такая, где фактически по всем этим ключевым 36 концептуальным положениям Президент открыто сформулировал свою позицию. Конечно, они были приняты. 20 июня проект закона был принят во втором чтении. Но мы работали все лето. Еще набралась 61 поправка, тоже внес Президент. Был возврат во второе чтение уже 20 ноября. Закон был принят в третьем чтении, затем направлен на подпись Президенту и подписан 18 декабря.

Я не оговорила относительно суда присяжных, но могу вам сказать, что применительно к суду присяжных тоже было много дискуссий. Мне очень жаль, что суд присяжных... закон в этой сфере идет по пути сужения. Но я очень рада позиции Президента, который сейчас распространил возможность применения этой формы судебного разбирательства и к районным судам. Мы обсуждали это в нашей рабочей группе. И, конечно, хорошо, что будет развиваться этот институт.

Потому что в современном политическом устройстве России что такое суд присяжных? Он настоящий хозяин в обществе, потому что это форма народовластия применительно к судебной власти. Хозяин в обществе тот, кто творит суд над преступниками. И, конечно, суд присяжных – как раз суд, который творит сам народ.

Посмотрите, как популярны передачи "Суд идет", "Суд присяжных", потому что люди хотят знать, хотят разбираться, хотят понимать и хотят надевать эту мантию. Кстати, все, кто прошел через опыт судей присяжных, иначе относятся к судьям. Авторитет профессиональных судей просто в разы вырастает у тех, кто прошел через институт судей присяжных, у этих граждан. Вот это и есть, кстати, если так выразиться, адепты в обществе поднятия... рекламы, агитации за верховенство суда, отправление правосудия, за сложность и многогранность...

И вообще суд присяжных оказывает огромное влияние и на ход судебного процесса и объединяет и представителей народа, и власти. И, конечно, справедливый суд в современной России, а не карикатура на него, возможен, если суд присяжных действительно будет доступен обвиняемым, подсудимым. И России, как говорил Анатолий Федорович Кони, нужны суд и судьи, постановляющие справедливые приговоры, а не оказывающие услуги.

И в конце своего выступления я хотела бы сказать еще (откройте, пожалуйста, слайд 11) по поводу обсуждения поправок.

Да, за эти годы принято 205 законов (сейчас еще принят 206-й, но он пока не подписан Президентом) о поправках в Уголовно-процессуальный кодекс. Я проанализировала все законы и с точки зрения субъектов, и с точки зрения содержания. В ходе следующих "круглых столов", парламентских слушаний, может, даже опубликую результаты исследования. Из этих 205 законов 63 процента не связано с содержанием процессуальных правил. Они в части подсудности, подсудственности, то есть когда вносятся изменения в Уголовный кодекс, либо изменения в терминологию в связи с принятием законов – об образовании, об основах охраны здоровья (там у нас был психиатрический диспансер, сейчас – организация, по-моему)... в связи с реформированием ряда правоохранительных органов (назову таким обобщенным словом). Соответственно, они повлекли изменения, то есть, можем сказать, юридико-технические. А вот 37 процентов касается изменения процессуальных правил.

Слайд 12.

Обратите внимание, пожалуйста, кто вносит эти законопроекты, каково соотношение. Кстати, могу заметить, что за последние где-то два года выросла доля именно президентских и правительственных законопроектов. А так 36 процентов вносились депутатами, 21 процент –

Президентом, Правительством – 39 процентов, Верховным Судом – 4 процента и еще 4 процента – законодательными собраниями субъектов. Я анализировала только принятые законы.

Соответственно, такого рода частота.... А мы еще на прошлых парламентских слушаниях, в апреле прошлого года обсуждали, что частота вносимых изменений такова, что иногда шесть-семь законов в день принимаются, они идут от одной даты, а могли бы быть одним законом. Мне было дано поручение Советом Федерации подготовить соответствующие предложения по упорядочению этой процедуры.

Откройте слайд 13.

Мною подготовлен законопроект с учетом предыдущих парламентских слушаний (в апреле этого года, по-моему, были). Он уже имеет номер, я его направила в Государственную Думу, Генеральную прокуратуру, Федеральную палату адвокатов, ну и, конечно, в Верховный Суд. В чем его суть? Внесение изменений только отдельными федеральными законами, исключение только в части подсудности и подследственности уголовных дел, изменения в которые могут вноситься одновременно с законом, вносящим изменения в Уголовный кодекс. Сейчас это не так. Это первое.

Второе. Вступает в силу один раз в год. Я предлагаю 1 марта. Почему 1 марта? Потому что закон о бюджете 1 января вступает, январь – мертвый сезон обычно, еще деньги бюджетные не распределились новые, все подводят итоги, кто-то отдыхает, то есть реально в феврале начинают все включаться. С 1 марта, следующего за годом принятия, если федеральным законом не будет установлен более поздний срок. Не ранний, а более поздний! То есть 1 марта следующего года.

Проекты рассматриваются Госдумой. Не вносятся, обращаю внимание. Потому что ошибочно в свое время применительно к изменениям Уголовного кодекса в статью 8 закона о введении в действие Уголовного кодекса было заложено, что поправки в Уголовный кодекс, законопроекты о поправках, могут вноситься только при наличии официальных отзывов Правительства и Верховного Суда. Но у нас Конституция есть, в которой четко сказано: вносить, только если это связано с затратами из бюджета, тогда да, нужно заключение Правительства. Это совершенно неконституционная норма, она продолжает работать. У меня руки не доходят, но я тоже внесу законопроект, аналогичный этому. В чем смысл? Что проект о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс рассматривается Государственной Думой в первом чтении только при наличии официальных отзывов – официальных отзывов Верховного Суда (понятно почему, да?), Генеральной прокуратуры, при этом Генеральная прокуратура должна сделать

консолидированный отзыв, который учитывает мнения всех органов следствия и прокуратуры, это правильно, органов следствия и дознания, Генеральная прокуратура формирует и направляет. Как это делается? Это можно прописать или по меньшей мере заложить какой-то механизм. Но у меня нет... потому что я не хочу в это вмешиваться. Я видела, как дискутируют ведомства, у них есть свои взаимоотношения. Будут предложения – посмотрим. И обязательно Федеральная палата адвокатов... Я удивлена, что Федеральная палата адвокатов вообще отстранена от работы над такого рода законопроектами. Мнения вот этих трех структур для Государственной Думы должны быть обязательными. Сегодня этого нет.

Официальный отзыв Правительства. Что такое официальный отзыв Правительства? Правительство же не применяет уголовно-процессуальный закон? И даже Министерство внутренних дел не применяет. Это применяет конкретный процессуальный субъект, наделенный процессуальными полномочиями. Поэтому почему Правительство-то высказывает обязательно?.. Оно, кстати, и так официальные отзывы дает на все законопроекты. Зачем дополнительно наделять? Я не знаю. А вот мнения Генеральной прокуратуры, Федеральной палаты адвокатов и Верховного Суда важны, они очень хорошо знают практику.

И последний слайд...

Мы, кстати, отразили в рекомендациях поддержку данного законопроекта и то, в каком направлении, мы предлагаем, нужно обсуждать совершенствование уголовно-процессуального законодательства.

Во-первых, восстановление института прокурорского надзора за следствием. Это ошибочное направление. Я не хотела бы обсуждать разного рода разногласия, недоверие, для общества это не имеет никакого значения. Важно, чтобы система правосудия работала точно, не с двойными стандартами, без необоснованных обвинений и осуждений, без того, чтобы отпускать явных преступников и оставлять их безнаказанными. Поэтому здесь важны не какие-то разногласия между ведомствами, а в условиях, когда разграничены процессуальные полномочия следствия, дознания и надзор за следствием, дознанием, это очень хорошо, разграничены административно, организационно, нет взаимоотношений "начальник – подчиненный", гарантируется объективность надзора, и он должен быть обязательно. Какими бы хорошими ни были следователи (я знаю, что много профессиональных, с уважением отношусь к Следственному комитету и лично к Александру Ивановичу Бастрыкину), но тем не менее надзор прокуратуры – это святая святых. Чем может оборачиваться такая безнадзорность – совершенно очевидно.

Во-вторых, нужно обсуждать выведение следователей из числа участников стороны обвинения, насколько это возможно сейчас, может быть, это невозможно, но сегодня такая возможность есть. У нас есть Следственный комитет, имеющий самостоятельный статус. Это именно следственный орган, это не орган борьбы с преступностью, а это следственный орган, самостоятельный, самодостаточный. Поэтому, думаю, была бы правильной постановка вопроса о том, что следователь как раз всё оценивает, он расследует, он как судья в судебном производстве. Но возвращать под надзор суда в том виде, как это было до революции, смысла нет, тем более основные процессуальные действия сегодня все равно на основании судебного решения осуществляются.

Пересмотр института возбуждения уголовного дела по факту в целях отказа от него. То, что Президент Владимир Владимирович Путин в Послании сказал, что борьба с коррупцией – это не шоу, ведь относится и к очень многим другим уголовным делам. Вот эта легкость возбуждения уголовного дела по факту: раз – возбудили, прозвучало, людей где-то обнадежили, кого-то напугали. А что дальше? А дальше ничего, это затягивается на годы, это нервотрепка. Знают, насколько, вообще... механизм прост. Ну что в этом постановлении о возбуждении уголовного дела?.. Ни доказательств, еще ничего нет, поэтому ни к чему не обязывает... И даже эта уголовная ответственность для следователей, которая введена за необоснованное уголовное преследование, – это правильно. Но заведомо незаконное возбуждение уголовного дела... Как вы это установите? Потому что здесь фактически очень расплывчатая грань. Есть труп – можно возбуждать уголовное дело. Соответственно, здесь может возникнуть другая опасность – когда следователи перестанут вообще возбуждать уголовные дела только потому, чтобы не попасть под дамоклов меч такого рода уголовной ответственности. Этот перебор тоже очень опасен. Так может быть, нам и не нужен сегодня институт возбуждения уголовного дела по факту? Что он нам дает? Тогда, в те годы, мы это обсуждали, но были вынуждены оставить. Сложилась практика, потом, это как бы юридический факт, который фиксирует, с какого момента дознаватель, следователь могут применять весь объем мер процессуального принуждения. Но сейчас-то, когда фактически все основные меры процессуального принуждения – на основании судебного решения, соответственно, стоит ли загромождать такой процедурой?

Кроме того, отсюда мы сразу выходим на вопрос оптимизации письменного судопроизводства. Ну, какое это дело, когда тысячи томов поступают в суд? Это же невозможно освоить, это отвлекает следователя. Это сколько же им надо подшить, обработать, снять копий? Это невозможно, это всё, понимаете, как сизифов труд: камни – в гору и обратно, камни – в гору и

обратно. И, конечно, упорядочение... Возможно даже, кстати, установить перечень процессуальных документов, которые передаются в суд, чтобы суд не загромождать, а остальные документы – то, что следствие собирает, прокуратура – пожалуйста, могут остаться у вас в архиве, в хранении. Но все-таки нужно искать пути, как оптимизировать, как сделать более простым уголовное судопроизводство (простым его не сделаешь, но простым с точки зрения оформления), уходить от этой избыточной письменности в уголовном судопроизводстве. И это будет дешевле, это будет легче для следователей, прокуроров, судей, когда они работают с этими материалами, ну и, конечно, это повысит в конечном счете и количество дел, которые расследуются, рассматриваются, доводятся до итогового решения, и, конечно, повысит доверие людей к качеству правосудия.

И скажу, что, да, была такая позиция и у меня тоже, потому что мне сказали: вы знаете, не надо поправки в уголовно-процессуальный закон готовить, их теперь готовят только Президент и Правительство. Это было где-то год назад. Но я убедилась, что, прежде всего, это не так, поскольку вы видите, какое количество депутатских законодательных инициатив, в том числе и очень свежих. Никаких рабочих групп у этих депутатов нет. Не хочу называть фамилии, но они все известны, и можете посмотреть их биографии до того, как они стали парламентариями. Поэтому все-таки самый лучший вариант – это открытое, публичное обсуждение направлений совершенствования уголовно-процессуального законодательства в рабочих группах, на таких площадках, где все, кто участвует в этой сфере в качестве правоприменителей, в качестве страдальцев, в качестве тех, кто помогает тому, чтоб правосудие свершилось, ну и в любом другом качестве, ученые, от которых тоже очень многое зависит и значительно зависит развитие самой сферы и науки уголовного судопроизводства... Вот на таких площадках при таком участии должны обсуждаться системно изменения в уголовно-процессуальное законодательство, открыто. И Президент нас призвал именно к этому.

Поэтому наш комитет готов предложить площадку комитета для такого рода обсуждений и выработки согласованных позиций по изменению уголовно-процессуального законодательства, которые назрели и признаются всеми, кто участвует в том, чтобы суд в России был не только правым, но и справедливым, и милостивым. Спасибо.

С МЕСТА

А вопросы можно задавать?

Е.Б. МИЗУЛИНА

В письменном виде можно. Хорошо? Просто очень много выступающих, и хотелось бы всем предоставить слово. А в письменном виде – обязательно.

Александр Сергеевич, а Вы записаны?.. А Вы, кстати, и есть первый. У Риммы Николаевны с голосом что-то, да?

Александров Александр Сергеевич, профессор кафедры уголовного процесса...

Г.М. РЕЗНИК

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Ой, извините. Но Вы стоите в выступлениях, не расстраивайтесь.

Резник Генри Маркович, вице-президент Федеральной палаты адвокатов. Вы разве являетесь сейчас вице-президентом?

Г.М. РЕЗНИК

Да.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Первый вице-президент Адвокатской палаты города Москвы.

Пожалуйста, Генри Маркович.

Подготовиться Гаврилову Борису Яковлевичу.

Г.М. РЕЗНИК

День добрый, дамы и господа! Все-таки у нас такое малое юбилейное заседание. Я хочу всех поздравить с тем, что мы уже 15 лет живем по нынешнему кодексу, который закрепил иную модель организации судопроизводства. Ну и, конечно, вспоминаю свое участие в рабочей группе по разработке этого кодекса. В начале я был "теневым" членом этой рабочей группы, ну а потом уже, когда традиционное недоверие, а то и подозрение к адвокатам как-то стало все-таки преодолеваться, я уже стал полноценным членом этой рабочей группы.

Конечно, прежде всего хочу поздравить Елену Борисовну Мизулину. Должен сказать, что благодаря ее энергии, ее активности и живому интересу мы приняли этот кодекс, считайте, практически на рубеже 2002 года. Ну и я с сожалением (конечно, не только я) затем наблюдал, как волею судеб Елену Борисовну понесло в другую область – на защиту наших то ли духовных скреп, то ли традиционных ценностей. А мы на это время лишились высокой пробы ученого-процессуалиста, и, кроме того, заинтересованного в том, чтобы в этой близкой ей области, как она сама говорила, реализовывалась идея справедливости.

Вспоминаю эту работу нашей рабочей группы. Прежде всего, очень интересно было. Посмотрите: фактически уже 2002 год, декабрь, многие законы уже приняты, в 1996 году принят Уголовный кодекс, и все никак-никак не принимается кодекс процессуальный. Почему? Да потому что вот здесь, в процессе как раз, в производстве по делам, здесь-то реальные интересы самых разных ведомств, здесь шибко много разных представлений о том, как должен быть организован уголовный процесс, потому что известно... Краткое определение демократии: демократия – это процедура. И вот в этой работе мы как-то притирались друг к другу. Вообще впервые в этой рабочей группе встретились представители (можете представить себе?) прокуратуры, суда, милиции тогда, МВД, адвокатуры...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Налоговой полиции, Минфина и ФСБ.

Г.М. РЕЗНИК

То есть дело в том, что до этого, в общем, Софья Власьевна, советская власть, как-то де-факто противопоставляла, скажем, адвокатов государству. Ну, все же боролись с преступностью. Я просто помню: когда я был научным сотрудником института по изучению причин преступности, все боролись с преступностью. И так вот, знаете, прямо-то это не инициировалось вроде бы, но на самом деле было так: все борются с преступностью, а адвокаты противодействуют, естественно, "ставят палки", защищают преступников. И вот было очень интересно... Мы, представители этих разных ведомств, во-первых, обнаружили, что все мы нормальные люди и можем договариваться. Ну, вот Борис Яковлевич Гаврилов, милейший человек... Я просто помню, как мы спорили, скажем, о том, как допрос должен проводиться. Считалось как? Что адвокат имеет право участвовать в допросе. Никто с этим не спорил. Но вот он должен там быть статистом и абсолютно не мешать следователю проводить допрос. Мы говорим: "Ну, как? Зачем он тогда?" Нет, вот следователь проводит допрос, и этот допрос направлен на то, чтобы, соответственно, обвиняемый дал правдивые показания и прочее. Конституция! Там привилегия против самообвинения и прочее. Нет. Вот все-таки, знаете, это как-то ослабит просто борьбу. Затем постепенно все-таки убеждали друг друга. В начале же адвокат все-таки вопросы может задавать. Ну а потом он может консультировать юридически, вот во время допроса. Это как такой маленький пример.

Почему была необходимость изменить модель уголовного процесса? Это было предопределено Конституцией 1993 года. Но почему все-таки переход к состязательной модели? По той причине, что, конечно, говорить о справедливости... а справедливость эта в уголовном

судопроизводстве заключается в том, что должна быть защищена невиновность. Как говорил Шарль Монтескье, если не защищена невиновность – не защищена и свобода. А мы, в общем, получили за долгие годы существования советского уголовного процесса правосудие без оправданий. Я совершенно ответственно в этой аудитории заявляю, что к середине 60-х годов на 20 лет вперед оправдания вообще исчезли из уголовного судопроизводства.

Я помню, какие были сюжеты. Я не был тогда в адвокатуре, но я изучал тогда уголовно-процессуальное право. Скажем, в судебном разбирательстве выясняется точно абсолютно: не достиг возраста уголовной ответственности. Просто не вызывающий сомнения документ, ему 13 лет 5 месяцев. Оправдательный? Сейчас прям! Судья уходит в совещательную комнату со сторонними заседателями, выходит и торжественно объявляет: направить дело на дополнительное расследование и еще раз проверить. Или, скажем, явно совершенно: не должностное лицо – нет взятки. И вот на это было направлено прежде всего – исправить ситуацию тогда, когда реально человек, который не признает себя виновным, имел бы возможности оправдаться. Получилось? Не получилось. Закон плохой? Нет.

Кстати, сразу же должен возразить против этого законотворческого "зуда" принимать новый Уголовно-процессуальный кодекс. Почему? Потому что туда внесено много поправок и прочее. Вы знаете, необходимость изменения кодекса возникает тогда, когда меняется общая часть, когда меняются принципы, на которых он основан. Это относится к уголовному закону, кстати сказать. А то, что дальше стал развиваться процесс и стали появляться... Появились апелляционная стадия (понятно, да?), соответственно, да, этот институт упрощенного судопроизводства, особого порядка. Это нормально совершенно, абсолютно нормально. Но иллюзий, по-моему, никто из серьезных людей не строил, что за короткий период времени удастся инквизиционный процесс в реальности превратить действительно в состязание равноправных сторон – обвинения и защиты.

Почему? У нас, смотрите, какая ситуация... Как у нас называют следствие? Предварительным. Оно предваряет судебное разбирательство. Следователь готовит все материалы для прокурора, чтобы он в гласном, состязательном процессе, соответственно, в споре со стороной защиты доказывал вину обвиняемого.

Что в реальности? В реальности, конечно, эту тенденцию не удалось прервать. В реальности мы прекрасно понимаем: центральная стадия нашего уголовного судопроизводства – это предварительное следствие. И как был у нас процесс без оправданий, так он у нас и остался.

Мы полагали, что это – отдушина, по которой, кстати сказать, адвокаты со стажем, которые еще при Софье Власьевне работали, сейчас вздыхают. Был институт возвращения дел на следствие, куда уходило около 10 процентов дел. Ну, как это происходило? Происходило таким образом: когда обнаруживалось, что нет доказательств надежных или сколько-нибудь даже возможных для осуждения, дело направлялось на следствие. Все были в одной парторганизации. Председатель районного суда звонил прокурору и говорил: "Так, Михаил Иванович, знаешь что? Чтобы больше этого дела мы не видели здесь!" А там, кстати, на подмогу приходил еще один институт, его сейчас нет уже. Это чудесная норма была – изменение обстановки. Помните, да? Причем самое интересное было, что для прекращения дела по нереабилитирующим основаниям не требовалось (просто не требовалось) согласия самого обвиняемого. Естественно, в тоталитарном государстве, где все движется, инициатива администрации, уголовный процесс защищал вот этот самый авторитет государства, который, как считали, ну, просто умаляется, если в открытом судебном заседании выносят оправдательный приговор.

В Уголовно-процессуальном кодексе сделали большой шаг вперед по наделению адвокатов (защитников) полномочиями. Я просто помню, тут же, в 2003 году, мы все время говорили: ну, какое равенство, когда, собственно, адвокаты допросить не могут? Ну а что касается специальных познаний применения... То есть мы – просто-напросто адвокаты. Мы разоружены, потому что сколько ты ни ходатайствуй о том, чтобы эксперты были такие, как ты считаешь нужным, привлечены в дело, чтобы вопросы были перед ними поставлены кое-какие, – ничего. Ходатайство заявляешь – следователь поступит так, как он и должен поступить. Я не буду говорить об организации досудебного производства, я посмотрел, Александр Витальевич Смирнов будет об этом говорить. Но абсолютно правильно, поскольку, как оказалось, кишка тонка вводить судебного следователя, тем более подумать о введении фигуры следственного судьи. Понимаете, вот так сделали предварительное расследование, потому что простой ответ. Когда говорят: вот следователь, как же так, лишили его, он объективен и всесторонен... Ответ простой: кто предъявляет обвинение – тот и обвинитель. А у нас обвинение предъявляет следователь.

Поэтому сейчас, как мне кажется, для дальнейшего совершенствования состязательного процесса, для того, чтобы реально наш суд действовал не только на "осуд", но и на "рассуд"... А сейчас у нас получилось так, что те дела, которые раньше уходили на предварительное расследование... Мы-то считали, что будут оправдательные приговоры, на самом деле – повышенная доля условных осуждений, незначительных штрафов. Это как раз опять же этот

компенсатор неприятия нашими профессиональными судами вынесения оправдательных приговоров.

И буквально некоторые расчеты вам приведу, коллеги. Все говорится о том: ну, как же, у нас такое предварительное следствие, это фильтр, там все фильтруется, и поэтому в суд направляются уже уголовные дела, по которым просто-напросто собраны, знаете, уж такие надежные доказательства, что какие там оправдательные приговоры. Я, вообще-то, не устаю повторять за 50 лет, когда я писал свою диссертацию, еще кандидатскую, "Оценка доказательств по внутреннему убеждению в советском уголовном процессе": исходный материал в уголовном процессе, доказательства не настолько надежные, для того чтобы предотвратить ошибки. Они не изменились за длительное время существования уголовного процесса. 90 процентов доказательств – это показания людей. И вот здесь довольно интересно. Вот эти расчеты, я как-то, по-моему, в какой-то аудитории говорил... Давайте представим себе: у нас примерно миллион уголовных дел поступает в суды (чуть меньше, чуть больше), ну, с групповыми делами – 1 миллион 200 человек. 65 процентов дел у нас рассматривается в особом порядке. Нет спора между обвинением и защитой. Исследования показывают, что еще по 25 процентам дел, где не особый, а общий порядок, признают себя виновными подсудимые (обычно частично, спор идет в квалификации). Значит, остается 10 процентов. Все время я дискутирую с весьма уважаемыми мной представителями Верховного Суда. 10 процентов, где спор между сторонами. Значит, сколько? Ну, давайте так: 100 тысяч подсудимых виновными себя не признают каждый год.

Какой процент оправданий у нас?

С МЕСТА

0,5 процента в среднем.

Г.М. РЕЗНИК

0,5 процента.

ИЗ ЗАЛА

0,2 процента.

Г.М. РЕЗНИК

0,2 – ну, это не важно. А теперь посмотрим суд присяжных. А там сколько? 13–22 процента. Я беру последнюю официальную статистику. И что самое интересное? Вот что: каким образом, Елена Борисовна, наши правоприменители?.. Вот что входит в правоприменение, а что отторгается? С большим удовольствием, с большим восторгом приняли наши и следователи, и прокуроры, и суды сделки (это я так называю для краткости), особый порядок. А что же не

применить? И работы меньше, и спора никакого нет. Между прочим, эти 90 процентов – это показатель закономерности вообще судебного познания, независимо от разных систем, от разных политических режимов. Доказательства везде практически одни и те же. 90 процентов на Западе то же самое – сделки. А следующие 10 процентов чего? А 10 процентов там – суды присяжных. И вот там, между прочим, минимальный процент оправданий – 25 процентов.

По этой причине сейчас необходимы для совершенствования нашего состязательного процесса, для того чтобы возможности сторон уравнились, досудебное производство (то, что сделали уже в Казахстане, кстати сказать), возможность допроса и депонирование показаний. Почему? Потому что бывает так, что либо свидетель защиты болен, он может покинуть вообще этот мир, он может уехать в зарубежную командировку или вообще уехать за границу, или просто не соглашается давать показания. Депонирование. Это первое.

И второе – вот это заключение специалиста, которое мы ввели, Елена Борисовна, в 2003 году как доказательство. Ну как? Его же успешно практически торпедировали на практике. Фактически против этого заключения встают на следствии, встают на суде, и оно не приравнивается к тем экспертным заключениям, которые получают наши "пинкертон". По этой причине... Как сделали в Казахстане (на Украине, в Армении это сделали), сторона защиты может заказать, между прочим, за деньги заказать, проведение полноценной экспертизы. Есть такие экспертизы, которые могут быть проведены и стороной защиты, – те же самые судебно-бухгалтерские, финансово-экономические, не знаю, не к обеду будут упомянуты, лингвистические экспертизы.

Ну а в суде (завершаю, Елена Борисовна) надежд на то, что наши профессиональные судьи станут выносить оправдательные приговоры, никаких нет. Никаких нет надежд. Выдающийся русский процессуалист Иван Яковлевич Фойницкий отмечал закономерность такую: в спорных случаях ум судьи направляется обычно в сторону обвинения, а не оправдания. Вот поэтому во всех странах, которые мы считаем правовыми и цивилизованными, при споре сторон дела рассматривают суды присяжных – в классическом варианте, в континентальном варианте. Вот сейчас, Вы правильно отметили, достали все-таки Президента, и он сказал: да, надо расширять подсудность судов присяжных. Будущее покажет, кидает нас власть или нет. Потому что что сделано? Ликвидируется классический состав судов присяжных – 12 человек, уменьшается – 6 и 8. А подсудность какая расширяется? Посмотрите. Простые убийства (ну, ясно, что перекавалифицируют убийства в простые, чтобы не рассматривали...) и тяжкие телесные

повреждения, повлекшие смерть. Нет, простите меня, это обманка. Если на этом закончится, то в таком случае опять власть, повторяю, кидает как раз своих граждан.

1 процент назову по отношению к присяжным, когда говорят: "Как? Ну, разве можно присяжным доверять рассматривать дела о должностных преступлениях?" Терроризм... здесь вполне возможно и нужно его вывести.

Вывели из подсудности судов присяжных статью 290 (получение взятки должностными лицами). Какой был процент оправдательных приговоров вот этих вот, которых, казалось бы, ненавидели простые люди? 20 процентов! Поэтому реальная надежда на то, чтобы состязательный процесс заработал, – это расширение подсудности судов присяжных и расширение прав защиты.

Еще раз, Елена Борисовна, поздравляю, прежде всего Вас, с 15-летним юбилеем нынешнего Уголовно-процессуального кодекса.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Генри Маркович.

Коллеги, я только очень прошу все-таки придерживаться регламента. У нас очень много желающих выступить, и очень важно сегодня собрать предложения, для того чтобы нам выстроить последующее обсуждение.

Я предоставляю слово Гаврилову Борису Яковлевичу, профессору кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД, доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу Российской Федерации, одному из самых активных участников рабочей группы, причем очень рьяно отстаивавшему интересы следствия и дознания.

Б.Я. ГАВРИЛОВ

Спасибо.

Уважаемая Елена Борисовна, уважаемые коллеги! Я хотел бы поблагодарить за предоставленную здесь сегодня возможность озвучить некоторые вопросы, связанные, на мой взгляд, все-таки с необходимостью...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Извините.

Подготовиться Макарову.

Б.Я. ГАВРИЛОВ

...совершенствования действующего уголовно-процессуального законодательства. Два года назад я здесь, в этом же зале, на этой трибуне, на призывы некоторых наших коллег о необходимости готовить новый УПК достаточно, может быть, резко, но высказал свою позицию,

что вряд ли найдется такой человек, который будет писать. Правда, год назад уважаемый Александр Сергеевич Александров в рабочей группе у Кудрина высказался, что он готов писать, но, я думаю, это все-таки не новый УПК, а некие определенные концептуальные положения, ну, можно даже назвать их "дорожной картой", о чем я хотел бы сказать.

Одновременно в качестве предисловия хотел бы дополнить, что анализ уже современного, действующего уголовного судопроизводства позволяет утверждать, что Россия, приняв в 2001 году Уголовно-процессуальный кодекс, сделала все-таки существенный, я бы сказал, даже весьма существенный шаг. Об этом я могу судить и как следователь, который 30 лет проработал по УПК РСФСР и знает его не понаслышке. Новый кодекс действительно сделал существенный шаг к построению правового государства, где права, свободы человека и гражданина, его честь и достоинство являются высшей ценностью, что закреплено не только в международно-правовых актах, но и в Конституции Российской Федерации.

В ответ на многочисленную критику наших оппонентов о том, что принятый УПК является абсолютно несовершенным, мотивируя эту критику тем, что в него, как уже было названо сегодня, 205 федеральными законами за период его действия были внесены многочисленные изменения, я бы хотел сказать, как человек, который принимал участие в подготовке УПК, что, даже если мы обратимся к первому федеральному закону № 58 от 29 мая 2002 года, который был принят еще до вступления УПК в действие, там как раз была первая попытка на основании решения Конституционного Суда внести сущностные изменения, которые были вызваны компромиссом. Компромисс этот известен – чтобы УПК содержал переходные положения, связанные с ограничением конституционных прав граждан. Более того, например, по тому же институту возбуждения уголовного дела в силу должностного положения у меня была достаточно длительная рабочая встреча с Дмитрием Николаевичем Козаком, где мы эту проблему обсуждали, и он тоже заявил, что, да, в этом плане УПК достаточно компромиссный. С другой стороны, необходимость внесения этих изменений была обусловлена требованиями не только законодателя, но и в первую очередь правоприменителя и нашей научной общественности.

Можно посмотреть на этом слайде, что действительно развитие положений УПК... С 1 января 2013 года действует принципиально новое апелляционное производство, сущностно изменились кассационное производство и надзорное производство, введена в УПК норма-принцип – разумный срок уголовного судопроизводства.

Существенные шаги были предприняты по совершенствованию досудебного производства. Они касаются вывода следователей из состава органов прокуратуры, о чем

говорилось еще на стадии подготовки УПК, дифференциации процессуальных положений между прокурором и руководителем следственного органа, введения в УПК начальника подразделения дознания. Новый и абсолютно принципиальный институт досудебного соглашения о сотрудничестве был принят и так далее.

Кстати, о необходимости этих законов, я должен сказать, мы говорили еще в период подготовки УПК, то есть в конце 90-х годов. Однако в складывающейся сегодня ситуации, связанной с развитием научной мысли, следственной и судебной практики, признанием Конституционным Судом отдельных положений УПК не соответствующими Конституции, не надо забывать о происходящих в уголовно-процессуальном законодательстве государств бывшего СССР существенных изменениях (о чем сегодня говорилось, в том числе приводились Казахстан, Украина, Армения), и в целом затратности (я бы хотел на это внимание обратить) и бюрократизированности нашего уголовного процесса, и нужно следовать все-таки научному обоснованию новых законодательных решений.

О чем сегодня идет речь? Если кратко, то в полной мере действующий Уголовно-процессуальный кодекс не отражает реалий развития российского общества, содержит в себе ряд положений, перешедших из уголовно-процессуальных кодексов 1922 и 1960 годов. И законодатель уже в период действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации неоднократно допускал принятие поправок, носящих характер контрреформ, к сожалению. Вообще, это было весьма характерно для России всегда.

Несколько слов об эффективности современного уголовного судопроизводства. Его низкая эффективность, на мой взгляд, обусловлена все-таки сложившимся в России на протяжении последних 75 лет определенным стереотипом мышления, к сожалению, и в научной среде, и в первую очередь у практикующих юристов. Например, сохранение неизменной стадии возбуждения уголовного дела. К сожалению, на этом настаивает достаточно значительное число наших ученых. Я в этой связи вынужден еще раз обратиться к некоторым аргументам, но не в качестве каких-то теоретических изысков, а в более-менее конкретных цифрах и фактах.

Обратите внимание, какова у нас сегодня тенденция уровня уголовно-процессуального реагирования на заявление, сообщение о преступлении. Даже за последние восемь лет следователи, дознаватели фактически в три раза меньше стали возбуждать уголовных дел. Вот это первое и главное последствие действия так называемой стадии возбуждения уголовного дела.

На следующем слайде обратите внимание (я цифры оставлю, Елена Борисовна) на соотношение некоего понятия между числом возбужденных уголовных дел и числом отказных

материалов. Если 20 с небольшим лет назад на каждый отказной материал приходилось примерно 2,5 возбужденных уголовных дела (в общем, достаточно реальная цифра, она и в других государствах сегодня есть), то сегодня – с точностью до наоборот: на каждое возбужденное уголовное дело приходится по четыре отказных материала. А что такое отказной материал и его цифра, например, 7 миллионов? В первую очередь это нарушение статьи 52 Конституции Российской Федерации о праве потерпевшего на доступ к правосудию.

На следующем слайде достаточно наглядно видно этот тезис – о нарушении права потерпевшего на доступ к правосудию в связи с тем, что не менее 20 процентов (а в отдельные годы – до 40 процентов) таких процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела прокурорами признавалось, и обоснованно признавалось, незаконными и необоснованными и отменялось.

Я уже говорил об эффективности и затратности. Посмотрите: в том же 2015 году только не на проверку сообщений о преступлении, а на написание так называемых постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела (а с повторными – более 9 миллионов) был затрачен труд 20 тысяч сотрудников полиции и еще труд нескольких тысяч прокуроров, которые вынуждены отменять эти так называемые незаконные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Статистика хороша, когда она приводится не за год-два, а за три года. Посмотрите число возбужденных уголовных дел из так называемых отказных материалов: за эти 20 лет оно повысилось не на 7 процентов, не на 70 процентов, а в семь раз.

По данным МВД России, в 2015 году допущено 650 тысяч таких нарушений учетно-регистрационной дисциплины, по данным Генеральной прокуратуры – более 2 миллионов (даже цифра 3).

С учетом этого сегодня и в системе Министерства внутренних дел активно обсуждается вопрос, связанный с ликвидацией данной стадии, а точнее – с принципиальным изменением начала производства по уголовному делу. Эти предложения вошли в так называемую дорожную карту дальнейшего реформирования органов внутренних дел и 3 ноября 2016 года обсуждались на расширенном заседании экспертного совета МВД России, где были представители всех правоохранительных структур и где, кстати, присутствовал Андрей Александрович Клишас, и у него многие данные из доклада есть.

Складывающаяся ситуация со стадией возбуждения уголовного дела для практикующих юристов (я имею в виду, в первую очередь для следователей) негативна в том плане, что начиная с 2006 года принципиально изменилась позиция в первую очередь Конституционного Суда и затем,

к сожалению, правда, через семь лет после первого решения Конституционного Суда, позиция Верховного Суда Российской Федерации, который сегодня исходит из необходимости самостоятельного возбуждения уголовного дела, например, в случае установления нового лица, совершившего преступление, по факту которого возбуждено уголовное дело (особенно это характерно для организованных групп преступников, для совершения преступлений, квалифицируемых как бандитизм и так далее), а также в случае выявления нового преступления.

На слайде приведен, на мой взгляд, пример. Я думаю, не обидятся представители судейского корпуса, если его привести. Уголовное дело по факту совершения преступления по предварительному сговору, предусмотренного статьей 132, было возбуждено, однако следователь (я не знаю почему) не беседовал с ним, указал в постановлении о возбуждении уголовного дела только одно лицо. Второе лицо вскоре было задержано, заключено под стражу, и ему было предъявлено обвинение. И дело по обвинению данных лиц в совершении преступления по предварительному сговору было направлено в суд. Судом первой инстанции они были осуждены, однако определением судебной коллегии дело было возвращено прокурору для вынесения постановления о возбуждении уголовного дела в отношении второго лица. И такие примеры, кстати, в судебной практике сегодня достаточно распространены и судов нижестоящих.

К чему это ведет? Михаил Славович, вообще это беда. Сегодня в силу этих положений, в первую очередь Конституционного Суда и Верховного Суда, мы вынуждены возбуждать уголовное дело по каждому эпизоду, например обманутых вкладчиков, хотя понятно, что дело расследуется в отношении организаторов этой финансовой пирамиды или по каждому факту совершения преступления с помощью финансовой пирамиды.

При выработке предложений об исключении из УПК процессуальных норм о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела мы исходили из того, что устав уголовного судопроизводства и первый российский УПК в редакции 1922–1923 годов таких норм не предусматривали. Сегодня, кстати, по этому пути развивается законодательство Казахстана. И обратите внимание на цифру: сегодня уровень уголовно-процессуального реагирования в Казахстане (конечно, он не идеален, хотя у них нет прямых фактов уже укрытия преступлений от учета) составил более 26 процентов. У нас по ранее приведенной цифре на слайде он составил сегодня всего 6 процентов. Есть разница? В четыре с лишним раза уровень обеспечения законности в Казахстане выше, чем в Российской Федерации.

Еще о нескольких процессуальных институтах.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Борис Яковлевич, время.

Б.Я. ГАВРИЛОВ

Я понимаю, Елена Борисовна, но все-таки я хотел бы рассказать о некоторых вещах, поскольку они достаточно очевидны и стоят сегодня в практической плоскости. Ну, смотрите, например, процессуальная норма о двухмесячном сроке расследования. Она к нам пришла из УПК 1922 года. Но сегодня же не 1922 год, уважаемые коллеги! У нас сегодня принят соответствующий федеральный закон, которым в УПК введена норма-принцип. И, кстати, по постановлению Пленума Верховного Суда разумный срок по уголовным делам установлен в четыре года. Разделим пополам на досудебное и судейство – по два года. А мы по-прежнему... срок этот первоначальный – два месяца.

Что делает следователь? Возбудив дело, он сразу обращается с соответствующим ходатайством к своему руководителю (дознатель, прокурор) о необходимости продления данного срока.

Посмотрите ситуацию, связанную с содержанием под стражей. Из первоначального двухмесячного срока содержания под стражей у следователя зачастую остается всего полмесяца, поскольку от 10 до 30 суток предоставляется прокурору для принятия решения по поступившему к нему уголовному делу с обвинительным заключением и 14 дней уходит, по сути дела, для принятия первого решения судом. Как следствие, по каждому второму делу "стражные" сроки продлеваются. Если мы обратимся к европейскому законодательству, то первоначальный процессуальный срок содержания под стражей сегодня составляет от 100 до 120 суток.

Еще один вопрос – с институтом предъявления обвинения. Мы об этом, кстати, уже говорили (помните?) в период подготовки УПК. И именно мы настояли на том... Мы, правда, в качестве эксперимента (хотя в УПК эксперименты – на мой взгляд, это проблематично) провели, по сути дела, дознание, исключив институт предъявления обвинения. Можно спорить, можно говорить, но я хотел бы обратить внимание на соответствующее постановление Конституционного Суда от 2007 года, в котором четко сформулирована позиция Конституционного Суда, что пределы судебного разбирательства должны определяться обвинением, сформулированным в обвинительном заключении, в обвинительном акте. Исключение института предъявления обвинения по делам, расследуемым в форме дознания (а таких дел за 14 лет направлено в суд более 4 миллионов), показало, что ни одной жалобы ни в Конституционный Суд, ни в Европейский суд о нарушении права гражданина на защиту не последовало.

На мой взгляд, интерес представляют два слайда, связанных с реализацией федерального закона. Я в данном случае говорю о дифференциации процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа. Споры продолжаются до сих пор. Но ведь спорить надо исходя из каких-то цифр, фактов.

Вот посмотрите на эту статистику, как изменился уровень в первую очередь прокурорского надзора. Да прокуроры значительно больше внимания стали уделять этой проблеме и стали независимыми от своих первоначально принятых решений. И поэтому уровень законности... Хотя цифры не всегда отражают реалии, и я прекрасно понимаю и доводы моих коллег-адвокатов, но тем не менее в данном случае цифры – вещь упрямая.

Еще один слайд, который тоже свидетельствует о значительном усилении уровня прокурорского надзора. Посмотрите: если в 2006 году прокуроры возвращали следователям прокуратуры менее 1 процента уголовных дел для дополнительного расследования, то в последующие годы эта цифра возросла практически в пять раз. Значит, о чем это говорит? О том, что действительно прокуроры более принципиально стали осуществлять свою функцию надзора за качеством.

Сегодня много говорилось об институте доследования. Действительно, мы его пролоббировали. Но посмотрите цифры 1999 года: более 40 тысяч дел суды возвращали для дополнительного расследования. И правильно сегодня говорилось... Я даже больше скажу: 85 процентов уголовных дел, возвращенных для доследования, которые были прекращены потом, они прекращались по нереабилитирующим основаниям. Это все понятно. Сегодня эти цифры принципиально иные. Да, сегодня понятно, что есть статья 40, в полном объеме действует, но я же привел цифры еще и 2006 года и 2009 года, когда глава 40 в полном объеме действовала, но все равно эта тенденция есть, и мы никуда не денемся.

К сожалению, нет времени, но аналогичная тенденция складывается по дознанию. У меня сегодня тоже есть достаточно реальное предложение о том, что начальник подразделения дознания фактически в силу даже системности нашего УПК должен, по сути, обладать такими же процессуальными полномочиями, как и руководитель следственного органа.

Пропускаю, с вашего позволения, ряд слайдов.

Есть еще одна проблема, Елена Борисовна, она среди практиков, – это избрание меры пресечения. То, что сегодня часть пятая статьи 108 предусматривает возможность заочного ареста только в отношении лиц, которые скрылись и объявлены в международный розыск, – я думаю, эта норма соответствует Конституции, о чем мы говорили. Но есть достаточно реальный механизм

выхода из этого... Да, а таких лиц у нас, обратите внимание, находится в розыске примерно 150 тысяч ежегодно, и сколько лиц из них совершили преступления, я думаю, ни я, ни мы с вами не знаем. И, к сожалению, можем узнать, если случится что-то сверхъестественное, чего бы, конечно, не хотелось.

Есть элементарный механизм, он, кстати, действует сегодня на той же Украине, но там не система заочного ареста, а система заочного задержания лица, которое скрылось и объявлено в соответствующий розыск, и задержано не в месте производства предварительного расследования. Такие же нормы закона действуют и во Франции, и в Германии. Я думаю, что и нам пора уже здесь принципиально перейти...

И, заканчивая свое выступление, я хотел бы отметить, что предложения, которые сегодня здесь уже звучали до меня и, надеюсь, прозвучат позже, надо учитывать. И, следовательно, надо учитывать и предложения уважаемой Тамары Георгиевны Морщаковой и профессора Смирнова, здесь находящегося, о создании института следственных судей (но, может быть, не в том варианте, как он был), предложенную профессором Александровым и его коллегами по нижегородской школе уголовного процесса доктринальную модель уголовно-процессуального законодательства. Кстати, многие положения уважаемого Александра Сергеевича сходятся с теми, которые изложены с ними, наверное, требуют действительно принятия мер. И в качестве таковых... Давайте мы подумаем и, может быть, в резолюции запишем, все-таки и ряд других уважаемых коллег об этом говорили, та же Алексеева Лидия Борисовна не так давно – на Кудрявцевских чтениях на прошлой неделе... Наверное, все-таки мы подойдем к той ситуации, что надо подготовить какую-то определенную "дорожную карту" совершенствования отдельных институтов. Спасибо за внимание, коллеги.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Борис Яковлевич.

Только просьба все-таки к выступающим... Если мы будем так подолгу говорить, не успеют все выступить. А я думаю, что очень много интересных предложений. Просто давно не обсуждали, это правда, на такой площадке.

Б.Я. ГАВРИЛОВ

Давно. В прошлый раз мне запретили здесь... поэтому я и отыгрываюсь. Так что уж простите.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да не надо ничего запрещать! Сейчас уже как раз другая позиция: надо обсуждать и обсуждать, конечно, чтобы и услышать друг друга. Видите – разные позиции. Я, например, не хочу ошибаться, поэтому очень важно выслушать.

Слово предоставляется Макарову Владимиру Александровичу, начальнику Правового управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Приготовиться Смирнову Александру Витальевичу.

И просьба, у кого есть письменные материалы, передайте их, пожалуйста, потому что мы обязательно издадим материалы парламентских слушаний. Важно, чтобы это... Сами знаете, как это хорошо хранится и систематизировано, очень удобно работать.

Пожалуйста, Владимир Александрович.

В.А. МАКАРОВ

Уважаемая Елена Борисовна, уважаемые участники парламентских слушаний! Прежде всего, хочу выразить благодарность за приглашение на сегодняшнее мероприятие. Принятие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации стало важнейшим элементом судебно-правовой реформы, шагом в развитии демократических начал уголовного процесса. Спустя 15 лет со дня его принятия и спустя 25 лет с начала проведения судебной реформы мы можем оценить не только положительные стороны процессуальных нововведений, но и положения, вызывающие сегодня дискуссию.

При достаточном многообразии проблем, требующих обсуждения, я хотел бы акцентировать внимание на изменениях, которые были внесены в Уголовно-процессуальный кодекс и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации" федеральным законом от 5 июня 2007 года № 87-ФЗ (Борис Яковлевич его как раз сейчас также упоминал).

Как известно, при заявленной концепции разделения предварительного следствия и надзора за ним прокурор оказался лишен ряда надзорных полномочий, которые традиционно и вполне обоснованно ему предоставлялись начиная с Устава уголовного судопроизводства 1864 года, затем УПК РСФСР и УПК Российской Федерации.

О чем свидетельствуют результаты практики прокурорского надзора на сегодня? Умаление роли прокурора, по сути, на досудебных стадиях уголовного судопроизводства неизбежно повлекло увеличение количества нарушений прав и свобод граждан, в том числе на доступ к правосудию и его разумный срок. Конечно, увеличение количества уголовных дел, возвращенных на следствие, может быть, с одной стороны, и могло бы свидетельствовать о

повышении принципиальности действий прокурора, но в первую очередь, конечно, это свидетельствует об ухудшении качества расследования уголовных дел.

В прошлом году прокурорами выявлено около 5 миллионов нарушений закона, допущенных на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. За 10 месяцев текущего года это уже 4,2 миллиона.

Несмотря на то что некоторые полномочия прокурору были возвращены в соответствии с федеральным законом от 28 декабря 2010 года № 404-ФЗ, в полной мере перекосы, допущенные в ходе реформирования уголовно-процессуального законодательства, еще не устранены.

Практика применения норм УПК, касающихся надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, позволяет нам констатировать, что в условиях значительного расширения полномочий руководителей следственных органов оставшиеся у прокурора полномочия далеко не всегда достаточны для осуществления эффективного надзора за деятельностью следственных органов в целях обеспечения законности.

Явно неоправданна правовая регламентация порядка уголовного преследования профессиональных участников уголовного судопроизводства, к которым следует отнести судей, прокуроров, следователей, адвокатов. В настоящее время следователи Следственного комитета уполномочены возбуждать и расследовать уголовные дела в отношении должностных лиц, которые наделены правом давать оценку законности и обоснованности их действиям и решениям.

Полномочиями по возбуждению и расследованию уголовных дел в отношении указанных лиц, а также адвокатов, должен быть наделен именно прокурор. Это полностью соответствует конституционному статусу органов прокуратуры и способствовало бы установлению оптимального соотношения процессуальных прав прокурора и должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, поднадзорных прокуратуре.

Выработанные международным сообществом подходы к установлению процессуального статуса прокурора в уголовном процессе – а именно Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 2000 года "О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия" и зарубежный опыт деятельности органов прокуратуры – однозначно свидетельствуют, на наш взгляд, о необходимости пересмотра положений действующего УПК и наделения прокурора правом возбуждения уголовного преследования.

В настоящее время мы имеем ситуацию, когда даже по результатам собственной проверки либо материалам Счетной палаты, убедившись в наличии преступления, прокурор не вправе возбудить уголовное дело, а вынужден направлять материалы органам предварительного

следствия. Понятно, что это порождает волокиту в рассмотрении материалов проверки сообщения о преступлении, зачастую безвозвратную утрату доказательств, а также нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства и конституционных прав его участников. В результате мы имеем дело с особой формой укрывательства преступлений, незаконным освобождением лиц от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Также (подобно тому, как это имеет место в зарубежных странах), на наш взгляд, прокурор должен обладать правом давать согласие следственным органам на возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста, на продление срока применения этих мер процессуального принуждения, а также отменять или изменять данные меры пресечения своим постановлением, если отпала необходимость в их дальнейшем применении. Это создаст дополнительные гарантии законности применения мер пресечения, а также охраны конституционных прав и свобод лиц, которые подозреваются и обвиняются в совершении преступления.

В июле текущего года по инициативе Верховного Суда Российской Федерации в УПК внесены изменения, направленные на декриминализацию ряда преступлений небольшой тяжести, и введено новое основание освобождения от уголовной ответственности – в связи с применением судебного штрафа. В этом можно, наверное, усмотреть курс не только на дальнейшую гуманизацию уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и способ обеспечить сокращение нагрузки на суды. Как показывает практика, ежегодно в суды поступает около 1 миллиона уголовных дел, больше половины из которых – по преступлениям небольшой тяжести, при этом каждого четвертое из них прекращается судом.

По нашему мнению, целесообразно кардинально изменить такую ситуацию, предоставив прокурору, осуществляющему от имени государства уголовное преследование, возможность прекращать уголовные дела такой категории, исключать их направление в суд при наличии установленных законом условий. Именно такой подход к организации уголовного преследования на этапе предварительного расследования отражен в Бордосской декларации "Об отношениях между судьями и прокурорами", принятой Консультативным советом европейских судей и Консультативным советом европейских прокуроров в 2009 году. Такой же подход закреплен в рекомендациях Комитета министров Совета Европы к государствам-членам по вопросам упрощения уголовного правосудия.

В данных документах декларируется возможность передачи соответствующих функций прокурорам по делам, в которых предполагается наложение небольших санкций без ущемления

прав обвиняемых на вынесение решений по таким делам независимым и беспристрастным органом, осуществляющим судебные функции. Во многих государствах Европы – Австрии, Германии, Франции, Норвегии, Венгрии, Польше, Словении – именно прокуроры решают вопрос о характере уголовного преследования при совершении преступлений, не обладающих высокой степенью общественной опасности. Как правило, максимальное наказание за эти преступления составляет один год лишения свободы или денежный штраф. Обладая правом направлять поступившее к нему уголовное дело о таком преступлении в суд, прокурор уполномочен разрешать его по существу, определяя размер штрафа, который подлежит уплате. При этом добровольная уплата обвиняемым суммы возможного штрафа рассматривается в качестве основания для прекращения уголовного преследования. Соответствующий проект федерального закона Генеральной прокуратурой Российской Федерации подготовлен.

И в завершение позвольте отметить следующее. С момента принятия Уголовно-процессуального кодекса, как уже отмечалось, в него внесены изменения более чем 200 федеральными законами. К сожалению, подобное обстоятельство, как отметил Президент Российской Федерации на IX Всероссийском съезде судей, создает немало угроз в процессе их правоприменения. Это, в свою очередь, на наш взгляд, требует постоянного взаимодействия широкого круга правоприменителей, ученых и законодателей в целях обеспечения взвешенного системного подхода к выработке стратегии дальнейшего совершенствования уголовного судопроизводства, одним из направлений которого является повышение эффективности роли прокурора как гаранта законности его осуществления.

Генеральная прокуратура Российской Федерации готова к такой работе, в том числе в тесном взаимодействии с Комитетом Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству. Благодарю за внимание.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Владимир Александрович. А вот с этим законопроектом, о котором Вы говорили, можно ознакомиться?

В.А. МАКАРОВ

Конечно.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Лично я разделяю Вашу позицию и знаю, что многие из моих коллег по комитету тоже. Потому что на самом деле это не дело, что главный отвечающий... Можно даже, как говорит Генри Маркович... хозяин досудебного производства – прокурор, отвечающий за качество

обвинения (я не случайно приводила точку зрения Владимира Владимировича Путина). Он сегодня фактически таких возможностей лишен. Это неправильно, это, конечно, надо восстанавливать и все это тоже обсуждать.

В.А. МАКАРОВ

Мы представим этот законопроект, Елена Борисовна, и готовы к обсуждению.

Е.Б. МИЗУЛИНА

А относительно изменений... Владимир Владимирович как раз говорил не о числе законопроектов о поправках, потому что во многие другие кодексы вообще значительно больше... Я представляю... просто очень большой объем работы, которую я сделала. Но самое главное-то не в этом, а в том, что очень большое количество законов, принимаемых одновременно и в течение года. И как работать правоприменителю? Это очень сложно, потому что фактически ты не можешь гарантировать, что закон не изменился в тот момент, когда ты его применяешь. Это, конечно, не дело. И это порождает и неуверенность, и нестабильность. Мы заложили в рекомендации, что надо и здесь найти какой-то согласованный вариант. Вот я предлагаю... и именно потому и внесла, чтобы можно было организовать публичную дискуссию официальную, а дальше уже, конечно, какой вариант выйдет. Поэтому как получится.

Спасибо Вам. Тогда мы тоже будем признательны, можем организовать даже обсуждение, если нужно будет.

В.А. МАКАРОВ

Да, тоже будем благодарны.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Хорошо. Спасибо большое.

Смирнов Александр Витальевич, советник Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Приготовиться Кудрявцевой Екатерине Петровне.

А.В. СМИРНОВ

Уважаемый председатель, уважаемые дамы и господа! Я представляю здесь Конституционный Суд, поэтому тематика моего выступления в известной степени предопределена.

Я хотел бы сказать, не желая обидеть некоторых присутствующих и прибегая к некой художественной гиперболе, что нынешний Уголовно-процессуальный кодекс родился в муках и, в общем, его мать – Елена Борисовна Мизулина, если можно так художественно выразиться.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да нет...

А.В. СМИРНОВ

И я думал, с кем бы сравнить Конституционный Суд? Я бы назвал его, наверное, отцом УПК, если бы не боялся обидеть Дмитрия Николаевича Козака.

Но, как говорил Карл Маркс, повивальной бабкой истории является насилие. Я думаю, что теперь времена изменились и уже не насилие, а, скорее всего, конституционализм можно назвать повивальной бабкой, ну, если не истории, то истории рождения Уголовно-процессуального кодекса. Потому что именно фейерверк решений Конституционного Суда, которые состоялись в начале – середине 1990-х годов, сделал в моральном и политическом отношении совершенно очевидной необходимость изменения уголовно-процессуального законодательства, сподвиг законодателя на те изменения, которые привели к принятию нового УПК. И Конституционный Суд продолжает в этом плане свою деятельность, я бы сказал, по конституционализации уголовного процесса, поскольку именно его решения во многом являются источником изменений уголовно-процессуального права. И все вы, как в высшей степени квалифицированные специалисты, знаете об этом, я не буду углубляться и повторять. Я скажу только то, что Конституционный Суд всегда стоял и продолжает твердо стоять на позициях состязательности уголовного процесса, равенства сторон, верности международно-правовым обязательствам, принципу объективной истины в уголовном процессе. И здесь я бы высказал, может быть, свою догадку о том, что, переехав в Санкт-Петербург, Конституционный Суд, в общем, де-факто присоединился по своему идейному направлению к санкт-петербургской школе уголовного процесса – наследнице профессора Фойницкого, о котором сегодня так хорошо упоминал Генри Маркович Резник, поскольку именно состязательность процесса, верность принципам и правам человека... а вкуче с публичностью процесса и идеей объективной истины это как раз и есть суть как санкт-петербургской школы уголовного процесса, так теперь, мне мнится, и идейного направления Конституционного Суда.

Единственное, я хотел бы вспомнить слова Елены Борисовны о том, что Конституционный Суд напрасно, может быть, решил вопрос с возвращением дополнительного расследования, ну, под видом, так сказать, возвращения дела прокурору для исправления недостатков предварительного расследования. Я не могу не сказать здесь несколько слов в защиту этой позиции, потому что Конституционный Суд долго и взвешенно подходил к решению этого вопроса. Вы бы знали, какие споры кипели в Конституционном Суде, сколько времени этот вопрос взвешивался и обсасывался. Но в конце концов было принято такое решение и в 2003 году, и

позднее. Из чего исходит Конституционный Суд? Он исходит из того, что строй того процесса, который мы с вами сейчас имеем с его формальным предварительным следствием, фактически не позволяет полностью отказаться от этого института. Хотелось бы, конечно... и всей душой мы разделяем позицию, что состязательный процесс не нуждается в подпорках в виде дополнительного расследования, но то обилие условий, которые устанавливает Уголовно-процессуальный кодекс для производства предварительного расследования, вообще досудебных стадий, не позволяет оставить этот вопрос на произвол судьбы. И если допущены какие-то нарушения прав обвиняемого, другие существенные нарушения, просто суд не сможет вынести обвинительного или оправдательного приговора даже, если он не отреагирует на эти нарушения. Единственный вариант – это возвращение их для исправления вот этих недостатков. При этом Конституционный Суд ведь твердо заявил, что при этом не должна быть поставлена цель судом восполнения доказательств на предварительном расследовании. Конечно, эти доказательства неизбежно проскальзывают при исправлении недостатков, но судом не должна ставиться цель добыть дополнительные доказательства виновности, когда дело направляется на вот такое дополнительное расследование. И также Конституционный Суд сказал, что в этом случае именно суд устанавливает временные пределы для применения мер пресечения и вообще для производства расследования соразмерно тем задачам, которые ставит суд перед прокурором и следствием по исправлению этих самых недостатков. Поэтому называть это возвращением волей Конституционного Суда к дополнительному расследованию, на мой взгляд, не вполне правильно.

Но я хотел бы сказать и другое – то, что видит Конституционный Суд ежедневно в своей практике. Через нас проходит огромное количество жалоб, дел. Мы анализируем и пытаемся оценить те тенденции, которые происходят в нашем уголовном судопроизводстве (частично Борис Яковлевич Гаврилов касался их в своем выступлении). И здесь я хотел бы сказать следующее. Явно наблюдается тревожная тенденция сползания предварительного расследования (в его значении, я надеюсь, никто не будет сомневаться) как бы в стадию досудебной проверки, то есть следственные органы стремятся к тому, чтобы решить большинство вопросов уже до возбуждения уголовного дела. Повторяю, это тенденция. Но цифры ее подтверждают. Если у нас около 2 миллионов дел ежегодно возбуждается, то отказов в возбуждении дел в три-четыре, а то и в пять раз больше, чем возбуждений. После этого оставшиеся возбужденные дела расследуются, из них раскрывается только половина, остальные приостанавливаются и затем исчезают неведомо куда.

В суд поступает где-то 600, а иногда 700 тысяч дел, прокурорам до этого несколько больше направляется, но тем не менее приговоры выносятся еще по меньшему количеству дел: если брать от возбужденных дел, то это будет одна треть, а от заявлений и сообщений о преступлениях – 5–6 процентов всего. КПД нашего уголовного процесса, если угодно, не сильно высок. И, кстати говоря, говорить об обвинительном уклоне в российском уголовном процессе тоже с учетом этих цифр можно очень осторожно, потому что если от зарегистрированных заявлений о преступлениях остается 5 процентов, то можно ли говорить о повышенной репрессивности такого уголовного процесса? Я думаю, что нет.

Конечно, обвинительный уклон существует – 0,5–0,4 процента оправдательных приговоров. Но я бы сказал так (и Генри Маркович сегодня тоже касался этого вопроса): в Соединенных Штатах, например, 0,47 процента оправдательных приговоров существует, если брать всё в целом – со сделками и прочими, так сказать, прелестями. Ну, можно или нельзя, но факт остается фактом – вот тоже такой же процент. Поэтому я не хочу сейчас углубляться в эту тему.

В заключение я хотел бы сказать следующее. Эти тенденции, о которых я сказал, на наш взгляд, свидетельствуют о векторе деформализации предварительного расследования, поскольку старое формальное предварительное расследование, протокольное, если угодно, по рукам и ногам, на мой взгляд, связывает и борьбу с преступностью, и защиту даже прав человека в уголовном процессе. Это анахронизм. Уже не справляются государственные органы в таком формате с выполнением своих задач. Поэтому в других странах, в том числе у наших соседей – Казахстана, Украины, Молдавии даже, и появляются такие институты, как институт депонирования доказательств, институт следственного судьи и так далее, потому что это позволяет осуществлять процедуру именно через судебные механизмы, через судебный контроль, может быть, отказываясь от излишней формализации, составления этих безумных протоколов. Поэтому и родилась идея, в частности, введения следственного судьи как залога состязательности процесса. Эту идею поддерживали многие видные российские юристы, в том числе Валерий Дмитриевич Зорькин ее высказывал и многие другие. Я думаю, что здесь есть о чем подумать.

Конституционный Суд, во всяком случае, исходит из простой мысли о том, что в статье 123 Конституции говорится, что уголовное судопроизводство должно быть состязательным, причем имеется в виду все судопроизводство, не только судебные стадии. А инквизиционный порядок предварительного расследования с этим явно несовместим.

Простая мысль: судопроизводство – это то, что происходит в суде (вот буквальное толкование конституционной нормы). А раз происходит в суде – должен быть везде и судья. Поэтому идея судебного наполнения предварительного расследования нам представляется весьма продуктивной. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо. Интересно. Спасибо, Александр Витальевич.

Я уж думала, что эту идею судебного следователя в принципе уже даже вообще и не оживить, учитывая, что Следственный комитет, в общем-то, состоялся как структура. Но это хорошо, если можно и в этом направлении обсуждать.

Кудрявцева Екатерина Петровна, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Радутной Российского государственного университета правосудия, судья Верховного Суда в отставке, заслуженный юрист, вместе с нами тоже работала в рабочей группе. Спасибо Вам большое, Екатерина Петровна.

Приготовиться Татьяниной Ларисе Геннадьевне.

Е.П. КУДРЯВЦЕВА

Уважаемые коллеги! Я хотела бы также присоединиться к поздравлениям по поводу юбилея уголовно-процессуального закона. Для нас, правоприменителей, конечно, УПК – это шаг влево, шаг вправо, сами знаете, что это такое по требованиям Конституции.

Вместе с тем сейчас мне приходится часто встречаться с судьями, с правоприменителями, в университете правосудия. Там есть два факультета: один переквалификации судей (это впервые назначенные судьи) и повышения квалификации. И очень много поступает вопросов, как надо поступить в той или иной ситуации исходя из текста соответствующей нормы. В этом плане нам очень, конечно, помогают и постановления Конституционного Суда. Но есть моменты, которые затрудняют понимание отдельных постановлений Конституционного Суда. И я хотела бы сегодня об этом сказать.

Прежде чем вообще говорить о действующем УПК, я хотела бы остановиться просто на направлениях, которые надо было бы поправить сейчас. Я не за то, чтобы был новый УПК, можно поправить то, что у нас есть. И я посмотрела с точки зрения вопросов, поступающих от судей, УПК и пришла к какому выводу? Что УПК содержит нормы, прежде всего противоречащие Конституции (это уже не раз упоминавшаяся статья 237, для примера, чуть позже я остановлюсь на минутку на ней), – раз, содержит противоречивые нормы как внутриотраслевые, так и

межотраслевые, пробелы, само собой, и неясности формулировок, которые вообще препятствуют применению той или иной нормы.

По статье 237 буквально две фразы. Статья 237 предусматривает два взаимоисключающих положения. И как поступать судье? В апреле 2013 года в статью 237 была введена часть 1², которая предоставила судам возможность возвращать уголовное дело прокурору по основаниям, ухудшающим положение этого лица. Но при этом законодатель сказал, что это можно сделать только по инициативе сторон.

Что мы имеем фактически в этой ситуации? Есть процесс, пришло уголовное дело. Причем в этом законе написано, что возвращается это дело прокурору, если после направления уголовного дела в суд были установлены обстоятельства, свидетельствующие о необходимости инкриминирования лицу более тяжкого деяния, преступления. Часть третья статьи 111, мы все знаем, что это такое, – причинение вреда здоровью определенной степени. И расследовали дело, оно поступило в суд, а после этого поступили еще и сведения о смерти потерпевшего, связанной с причиненными телесными повреждениями. Что делать суду? Конституция говорит о том, что мы обязаны вынести законный, обоснованный и справедливый приговор, правильно? Если мы в рамках статьи 252 постановляем приговор по части третьей статьи 111, будет ли он законным в данной ситуации? А законодатель говорит: вернуть дело прокурору можно, но если будут стороны об этом ходатайствовать.

Генри Маркович, скажите, пожалуйста, адвокату надо ходатайствовать о том, что?..

Г.М. РЕЗНИК

Чтобы было отягчено обвинение?

Е.П. КУДРЯВЦЕВА

Да.

Г.М. РЕЗНИК

Если ему это надо, мы его выгоним из адвокатуры.

Е.П. КУДРЯВЦЕВА

Правильно. Значит, он не заявит такого ходатайства. И я не думаю, что каждый гособвинитель заявит такое ходатайство. Что остается?

Е.Б. МИЗУЛИНА

Вынесите частное определение в его адрес тогда. Ну, это дело все-таки обвинителя, судье нельзя, не надо на себя это...

Е.П. КУДРЯВЦЕВА

Это дело обвинителя добросовестного. А мы говорим о конституционном положении. Поэтому еще 2 июля 2013 года было принято постановление Конституционного Суда, где было указано, что вот такое положение не соответствует Конституции.

Более того, статья 237 содержит положение в части первой (пункт 6), в которой говорится о том, что эти вопросы можно решать и по инициативе суда. Так как делать? Вот это положение до сих пор действует в УПК. И нельзя сказать, что надо в каждом случае смотреть. Надо смотреть, но дело-то в чем? Дело в том, что на практике суды (вышестоящие суды, я имею в виду) принимают решения как раз о том, что суд первой инстанции не может возвратить такое дело прокурору по собственной инициативе. Но здесь можно много еще по этому поводу говорить. Я передала доклад, в котором говорится об основных направлениях.

Что касается пробелов... Я хотела бы, Александр Витальевич, обратиться к Вам. У Вас есть постановление от 2011 года по вопросам, связанным с прекращением уголовного дела в отношении умершего обвиняемого. И я понимаю, что Конституционный Суд связан только жалобой по конкретному делу. Но, признав пробел, Конституционный Суд сказал: надо эти дела, если возражает законный представитель, довести до конца. И как? В порядке общего судопроизводства. В скобочках пометили – с учетом специфики физического отсутствия обвиняемого.

Но перед этим Конституционный Суд сказал, что в данном случае необходимо исходить из того, что постановление суда о прекращении дела не может заменить приговор. Только по приговору суда можно признать лицо виновным. А Конституционный Суд вопреки этому суждению дальше нам, судьям, сказал, что надо общее судопроизводство довести до конца и постановить в случае недоказанности вины оправдательный приговор, а в случае доказанности – обвинительный. Так что делать-то?

А.В. СМЕРНОВ

Извините, но там не так сказано. В случае доказанности дело прекращается ввиду смерти.

Е.П. КУДРЯВЦЕВА

Там об оправдательном приговоре речь идет. Давайте еще раз посмотрим. *(Оживление в зале.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, посмотрим.

Е.П. КУДРЯВЦЕВА

Еще противоречие такого плана. Когда вводятся дополнения, то мы вносим в разные отрасли права разные положения. Предположим, отсрочка исполнения приговора наркоману. Сравнительно новое основание, да? Это основание вводилось путем применения его на стадии исполнения приговора. И вот что получается. На стадии исполнения приговора судья принимает решение единолично, то есть в виде постановления. А в УИК в связи с этим дополнением внесли требование следующего порядка: получив определение суда об отсрочке... Так определение или постановление?

И, конечно, мы думаем, каким образом помогать судьям. Разработаны рекомендации, разработаны научно-практические пособия, в том числе по составлению процессуальных документов и по суду присяжных, и общая форма. Но нам нужна помощь в устранении таких внутриотраслевых противоречий... Там есть статья 226⁹, она вообще не понятна. Судьи спрашивают: а что делать, приговор-то как писать? В одной части говорится: надо судопроизводство... и писать приговор, как статьи 316 и 317... а это постановление приговора без исследования доказательств. А дальше речь идет: приговор постановляется на основании доказательств, добытых... и так далее.

Г.М. РЕЗНИК

Екатерина Петровна, можно один маленький вопрос? Честно скажите: вот действительно квалифицированному подготовленному, объективному судье стороны нужны? *(Оживление в зале.)*

Е.П. КУДРЯВЦЕВА

Честно Вам скажу: 40 лет отработала, мне всегда были нужны стороны.

Г.М. РЕЗНИК

Зачем?

Е.П. КУДРЯВЦЕВА

Как это зачем? А состязательность?

Г.М. РЕЗНИК

Состязательность... Как состязательность?... Судья сам все определяет, он...

Е.П. КУДРЯВЦЕВА

Вы знаете, создается такое впечатление у нашего общества, что судья – это монстр, что он нарушает закон, нарушает Конституцию, не соблюдает права граждан, и только суд присяжных может решить все эти вопросы.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да нет.

Е.П. КУДРЯВЦЕВА

Но и суд присяжных, и добросовестный судья, как и добросовестный адвокат... Я вам могу привести сколько угодно примеров недобросовестного поведения адвокатов в суде присяжных. Это пожалуйста.

Поэтому я специально не стала затрагивать вопрос спора по нашим ведомствам. Это не тема нашего разговора. Это этика, культура производства, которая должна прививаться на самой ранней стадии – при получении образования.

И, кроме того, необходим контроль как адвокатов, так и судебных работников. Я имею в виду процессуальный контроль. А у нас сейчас ведь... Если раньше был процессуальный контроль, приходили и смотрели, как ведется процесс, потом обсуждали это всё, сейчас этого нет, сейчас только по материалам дела, по бумажкам смотрим.

И что касается прокуратуры – то же самое. Спасибо за внимание.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Екатерина Петровна. Спасибо за Ваш доклад в письменном виде. На самом деле обязательное участие прокурора для того и вводили, чтобы судье не приходилось (добросовестный, недобросовестный защитник... и за недобросовестного защитника надо судье дорабатывать)... чтобы судья занимался своим делом, а прокурор – своим. Он в состоянии это сделать, и гораздо лучше, чем судья, потому что он отвечает за качество обвинения.

И поверьте (Вы в рамках мониторинга проехали всю страну, Вы с нами ездили частично и видели это), что очень многие прокуроры, представители прокуратуры, молодые, были благодарны за то (это тогда, когда был принят закон – 2002–2003 годы), что востребовано и прокурорское красноречие, что действительно в суде у них есть возможность проявить и самостоятельность, и профессионализм. К нам подходили и говорили: спасибо, что у нас такая возможность теперь появилась. Поэтому надо развивать эту возможность, чтобы действительно прокуроры тоже были блестящими ораторами.

У меня, кстати, вопрос от Борисенко относительно той темы, которую Вы подняли. Николай Владимирович спрашивает: "Так что же получается – что суд, судьи в своей деятельности опираются только на состязательность? Не приведет ли это к тому, что справедливость при принятии судебного решения будет зависеть во многом от ораторского искусства адвоката и прокурора, от возможности обвиняемого или пострадавшего нанять грамотного адвоката?" Да, от ораторского искусства прокурора и адвоката многое зависит в процессе, безусловно. Так было всегда, и в России до революции тоже.

Но, посмотрите, прокурор-оратор зачастую был сильнее, чем адвокат. Потом и менялись местами, тоже такое и в истории, и в практике... Прокурор должен это уметь делать. К тому же если прокурора не отстранять от надзора за следствием... Он же материалы дела отслеживает, мониторит, он в курсе того, что происходит, поэтому его ни в коем случае нельзя отдалять и убирать от надзора за следствием. Конечно, тогда будет качественное обвинение и не нужно будет судье волноваться за то, что он видит какие-то недостатки и как же быть. Потому что здесь прокурор будет все это восполнять. Добросовестных профессиональных прокуроров много, очень много. Я лично считаю, что процесс во многом выиграет от того, что они будут работать активно.

Г.М. РЕЗНИК

Даже среди адвокатов добросовестные есть. *(Смех в зале.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

И адвокатское сообщество тоже... Но боязнь есть адвоката в силу многих причин, но я думаю, что она сейчас уже избыточна. В условиях состязательности как раз недобросовестность адвоката быстро вскроется.

Спасибо, Екатерина Петровна, Вы очень интересные темы подняли. И спасибо Вам за то, что Вы дали материалы, которые позволят нам еще поразмышлять. Мы их обязательно включим. И если попросим электронную версию, ваши помощники дадут, ладно?

Слово предоставляется Татьяниной Ларисе Геннадьевне, профессору кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета.

Приготовиться Вершининой Светлане Ивановне.

Пожалуйста, Лариса Геннадьевна.

Л.Г. ТАТЬЯНИНА

Уважаемая Елена Борисовна, уважаемые коллеги! Позвольте поблагодарить за возможность выступить. И чтобы долго не занимать ваше время, я тезисно остановлюсь на трех моментах.

Для того чтобы реализовать справедливость в уголовном процессе, необходимо не просто обеспечить участников процесса, но и обеспечить возможность реализации этих прав. И в связи с этим мне хотелось бы обратить внимание на три проблемы, которые существуют в настоящий период времени применительно к стадии возбуждения уголовного дела.

Последние изменения, которые были внесены, предоставили право лицу, в отношении которого осуществляется проверка на причастность к совершению преступления, пользоваться услугами адвоката. При этом они забыли указать, а кто же это лицо – лицо, которое явилось с

повинной, лицо, в отношении которого проводится проверка, например, органами дознания, лицо, которое указано в заявлении заявителя.

Фактически можно говорить о том, что даже лицо, в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия, когда заявитель написал, что неизвестное лицо нанесло ему удары... можно каждое рассматривать как лицо, в отношении которого проводится эта проверка. Но ведь законодатель указал, что это лицо имеет право на адвоката. Соответственно, это право должны реализовать следователь и дознаватель. В порядке статьи 49 ему реализовать это право невозможно. А сам он не придет с адвокатом, скажет, что денег нет. Соответственно, в последующем он заявляет, что право на адвоката нарушено, и возникают все последующие проблемы.

Второй момент. Вы помните, часть 1² статьи 144 говорит о том, что независимо от того, была проведена экспертиза или нет в стадии возбуждения уголовного дела, если в стадии предварительного расследования адвокат заявляет ходатайство о назначении и проведении экспертизы, следователь обязан ее провести.

Во-первых, тогда какое значение имеет первоначальная экспертиза? А во-вторых, если, например, героин был изъят, провели экспертизу, полностью вещество потратили на производство экспертизы, адвокат заявляет ходатайство, то получается, с одной стороны – следователь обязан, а с другой стороны – у него нет материалов. И тогда куда деться? И, получается, если следователь не выполняет закон, значит, всегда можно говорить о нарушении права на защиту и прямом невыполнении закона.

Третий момент – это проблема сроков. Я поддерживаю Бориса Яковлевича о нецелесообразности существования стадии возбуждения уголовного дела. Берем статью 125. Два моих любимых классических примера. 12 раз заявитель обжаловал постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в суд. Суд признавал незаконным, необоснованным принятое решение об отказе в возбуждении уголовного дела, а на 13-й раз вынес решение о злоупотреблении правом заявителя. Тот же самый практически материал, тот же самый факт, но 12 раз – в пользу заявителя, а на 13-й раз, видимо, уже нервы не выдержали у суда.

И другой пример. На 15-й раз суд снова принял решение о признании принятого решения незаконным, необоснованным. Следователь возбудил дело. Какой смысл через 18 месяцев вообще возбуждать производство по уголовному делу и что там можно в принципе расследовать и найти?

Второй момент – это вопросы процессуальной самостоятельности следователя. Два основных положения, два гаранта были всегда процессуальной самостоятельности следователя:

первое – это возможность оспорить указания начальника у прокурора, второе – то, что, если следователь не соглашался с указаниями начальника, с указаниями прокурора, его никто ни при каких условиях не мог заставить осуществлять производство расследования по этому делу.

Елена Борисовна, Вы сказали, что начальника органа дознания убрали как раз для того, чтобы обеспечить процессуальную самостоятельность дознавателя. А почему о следователе никто не подумал? Ведь сейчас следователь – грубо говоря, секретарь-машинистка при руководителе следственного органа. Он обязан выполнять все его указания (указания, связанные с предъявлением обвинения, заключением под стражу). И даже если он не согласен, почему он должен выполнять? По-моему, для того чтобы обеспечить процессуальную самостоятельность следователя, прежде всего, нужно вернуть положение о том, что, если следователь не согласен, его никто и ничто не может заставить предъявлять обвинение, и в этом случае у него обязаны изымать уголовное дело из производства. Ну и наличие прокурорского надзора, когда прокурор – лицо незаинтересованное, разрешает, соответственно, конфликт между руководителем и начальником следственного подразделения. И здесь, естественно, следует вспомнить, что следователи МВД и ФСБ до сих пор находятся в двойном подчинении, потому что административная зависимость от начальника органа дознания все равно никуда не делась.

И третий момент – это проблема, которая связана с применением главы 40. Да, и следователи, и адвокаты, и судьи рады применению главы 40, единственный, кто оказался незащищенным, – это обвиняемый. Дело в том, что здесь и следователи, и адвокаты (адвокаты в большей степени) виноваты. Почему? Потому что, когда, например, оперативники предлагают взять на себя несколько дополнительных эпизодов, обвиняемому говорят: мы всё сделаем, глава 40, там ты получишь, все нормально. Все вроде как разъяснили всё, он согласен. Но ему ведь никто не рассказал о том, что, взяв 10 эпизодов, тебе меру наказания дадут не по одному эпизоду, а по 10 путем сложения. И когда в конце концов суд постановляет приговор и обвиняемый пишет жалобы и говорит, что ему никто не разъяснил, у него нет права апелляционного обжалования. И он отбывает срок наказания, причем все знают, за преступления, которые он не совершал.

Поэтому вот в этой части, для того чтобы все-таки говорить о справедливости при применении главы 40, либо должен быть предусмотрен механизм обжалования, и в последующем, если будет установлено, например, что адвокат ненадлежащим образом выполнил свои обязанности, решать вопрос о наказании адвоката, либо, соответственно, нужно обязывать и адвоката, и следователя разъяснять порядок назначения наказания, чтобы обвиняемый либо

действительно говорил о том, что "всё это мое", либо не брал на себя всё, что не нужно. Я могу еще много говорить, но не буду задерживать. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо большое. Интересные предложения, что успела – записала, но еще по стенограмме посмотрим. Спасибо. Интересно.

Вершинина Светлана Ивановна, заместитель ректора – директор Института права Тольяттинского государственного университета.

Приготовиться Александрову Александру Сергеевичу.

С.И. ВЕРШИНИНА

Добрый день, уважаемые коллеги! Прежде всего, конечно, хочу поблагодарить, Елена Борисовна, Вас за то, что пригласили и дали возможность выступить. Ну и так как тема, заявленная сегодня на парламентских слушаниях, касается не просто совершенствования уголовно-процессуального законодательства, уголовного правосудия, а связана с выработкой стратегии, конечно, я хотела бы остановиться на этих, на мой взгляд, значимых моментах.

Определяя стратегию совершенствования, мне кажется, нам надо развести понятия "борьба с преступностью" (о чем сегодня говорила Елена Борисовна) и "уголовное судопроизводство", "уголовный процесс" непосредственно. Сегодня официально Уголовно-процессуальный кодекс исходит из того, что не связана процессуальная деятельность с борьбой с преступностью. Что же такое борьба с преступностью? Если мы будем ориентироваться на наши действующие законы, прежде всего закон об ОРД, закон о полиции, то это понимается как совокупность деятельности по предупреждению, пресечению, раскрытию преступлений.

Имеет ли уголовный процесс какое-то отношение к этим видам деятельности? Александр Витальевич, приводя статистику, сказал, что какой-то процент раскрывается в ходе досудебного производства. Значит, соответственно уголовный процесс обеспечивает раскрытие преступлений. И это очевидно для всех, кто работает и кто изучает эту сферу деятельности. Но парадоксально то, что в тексте УПК абсолютно не используется термин "раскрытие преступлений". Уголовный процесс имеет определенное назначение, которое сформулировано в статье 6. Есть процессуальные полномочия у должностных лиц, которые ведут производство по уголовному делу, как в досудебном производстве, так и в судебном. Но не обозначено как цель, как задача то, что осуществляется и обеспечивается раскрытие преступлений. Более того, если мы проанализируем названные мною законы о полиции и об ОРД, то получается, что именно в ходе оперативной и полицейской деятельности происходит раскрытие преступлений как до уголовного

процесса, так и в рамках уголовного процесса. И получается, что еще до начала уголовного процесса мы можем иметь результаты раскрытых преступлений. Меня эта проблема заинтересовала тогда, когда я столкнулась действительно в высказываниях официальных должностных лиц вот с этим положением – что преступление считается раскрытым... Если вспомнить трагедию, которая произошла в аэропорту "Домодедово", было объявлено буквально, по-моему, через 24 часа, что преступление раскрыто.

Коллеги, у нас уголовный процесс как таковой только начался, только-только. Когда произошло данное преступление, было принято решение о возбуждении уголовного дела. Тогда возникает разумный вопрос: если преступление раскрывается до уголовного процесса, то что мы делаем в уголовном процессе? Проанализировав и практику, и научные взгляды, в общем-то, вполне очевидно, что досудебное производство, конечно же, раскрывает преступление. Только термин используется "расследует преступление". Преступление расследуется, да? Но это два термина, значит, имеются определенные различия, они должны быть. И в данном случае апробировано то, что в досудебном производстве преступление раскрывается и расследуется органами предварительного расследования совместно с оперативными подразделениями. И вполне очевиден вывод, что с окончанием предварительного расследования преступление считается раскрытым, потому что цель и задача следователя – раскрыть преступление. Используя процессуальную терминологию, он осуществляет доказывание, он устанавливает предмет доказывания и, подтвердив виновность лица определенной совокупностью доказательств, направляет уголовное дело в суд. Преступление считается раскрытым.

Тогда следующий вопрос: а что же суд делает, если преступление раскрыто? Сказать, что еще раз суд раскрывает преступление... Возникает проблема, для чего мы на разных этапах процессуальной деятельности занимаемся одним и тем же. Если мы говорим, что только суд раскрывает преступление, тогда чем занимались следователь, дознаватель в досудебном производстве? На мой взгляд, эта проблема настолько очевидна и имеет существенное значение, ведь от того, как мы ответим на вопрос, каково соотношение раскрытия преступлений, вообще борьбы с преступностью и уголовного процесса, мы будем определять содержание дальнейших процессуальных институтов, какими им быть.

И я для себя пришла к такому выводу, что, конечно же, уголовный процесс не может быть оторван от деятельности по борьбе с преступностью, ну, нельзя нам рассматривать эти виды деятельности в отрыве друг от друга. Уголовный процесс имеет своим назначением не только защиту прав и свобод человека, как то обозначено сегодня в статье 6, но и в первую очередь он

имеет своим назначением защиту общества, государства, человека от преступных посягательств. Эти публичные интересы сегодня не акцентируются в тексте УПК, и преобладает правозащитная составляющая уголовного судопроизводства. На мой взгляд, это существенно снижает эффективность уголовного процесса как вида деятельности, который не только защищает права человека, а в первую очередь обеспечивает защиту публичных интересов, защищая личность, общество и государство. То есть в таком смысле я понимаю публичные интересы. И вот если бы мы в статье 6 обозначили такое двуединое назначение уголовного процесса, то, на мой взгляд, мы бы только выиграли. Почему? То есть тем самым мы бы создали основу для регламентации уже полномочий субъектов, осуществляющих производство как в досудебной части, так и в судебной. Если сегодня в судебном производстве все четко расставлено... Что делает суд? Конечно же, он не раскрывает преступления, он, если говорить простым языком, проверяет, насколько законно проведено расследование и насколько законно лицо обозначено в качестве обвиняемого. Если суд согласился со стороной обвинения, он постановляет обвинительный приговор. Если суд не согласился (редакция статьи 299, которая определяет вопросы для суда), он постановит оправдательный приговор. И здесь возникает проблема по истине, о которой Александр Витальевич как раз говорил, – объективной и судебной. Если раскрытие преступления – однозначно это объективная истина, которую должен установить следователь, то в суде объективная истина, конечно же, не может быть во главе. Почему? Потому что суд не обязан раскрывать преступления. Вот такие мысли, которые приходят при сравнении этих категорий и при анализе текста УПК.

Еще один момент, на котором хотела бы остановиться, опять обсуждая стратегию совершенствования. На мой взгляд, одно из существенных упущений законодателя заключается в том, что в тексте УПК практически полностью отсутствуют процессуальные обязанности участников. Это вот как раз следствие игнорирования публичного характера уголовного процесса. Обязательно определяются права любого вовлеченного участника, определяется тот объем запретов, которые действуют в отношении этого участника, но нет речи об обязанностях, о процессуальных обязанностях. Но нельзя предоставлять права без закрепления обязанностей, ведь закрепление обязанностей – это средство в том числе защиты прав участника.

Вспомним раздел IV УПК, который содержит большой объем процессуального принуждения. Но ведь принуждение без обязанности немыслимо. Если есть принуждение, а оно применяется не только к обвиняемому, подозреваемому, а к широкому кругу участников, значит, у этих участников должны быть процессуальные обязанности. И вот это упущение, на мой взгляд,

имеет достаточно серьезные последствия. Если мы закрепим процессуальные обязанности, значит, должностное лицо будет обязано разъяснить участнику не только его права и ответственность, но и те обязанности, за неисполнение которых возможно применение мер принуждения, в том числе уголовно-процессуальных. Все, что я хотела сказать. Спасибо большое.

Г.М. РЕЗНИК

Светлана Ивановна, извините, один вопрос...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Генри Маркович, я все-таки... Нехорошо.

Г.М. РЕЗНИК

Скажите, пожалуйста, Вы считаете, что сейчас публичные интересы не защищены у нас в уголовном судопроизводстве?

С.И. ВЕРШИНИНА

Я считаю, что есть институты, которые обеспечивают защиту, но проблема в том, что мы это должны открыто признать в тексте УПК, потому что само назначение все-таки ориентирует на правозащитный характер уголовного процесса. Ведь почему возникла необходимость защищать права и свободы участника? Да потому что этот участник прежде всего, вовлекаясь в уголовное судопроизводство, берет на себя определенные процессуальные обязанности, исполнение которых в том числе ограничивает его в гражданских правах. То есть это вторая сторона.

Г.М. РЕЗНИК

Скажите, пожалуйста, а как с Конституцией быть? Вот есть, Вы знаете, некоторые противоречия, когда есть такая ценность, как, Вы сказали, раскрытие преступления (это ушло, прошлый такой термин), а есть ценности – конституционные права и свободы. Например, не знаю, бить нельзя, для того чтобы раскрыть преступление, нельзя обыск проводить, между прочим, без судебного решения. Но мы же знаем, что с такими нарушениями вполне спокойно можно дело-то раскрыть. Как здесь быть, интересно? Вот эта иерархия ценностей конституционных...

С.И. ВЕРШИНИНА

В основе уголовного процесса, на мой взгляд, должны стоять два основных конституционных положения: первое – это то, что государство обязано обеспечивать законность и правопорядок в обществе, в том числе осуществлять расследование и раскрытие преступлений, и второе – обязано защищать права и свободы человека. На этих двух основных положениях и должен держаться процесс. Игнорирование одного из них чревато последствиями. Если в УПК РСФСР был перекосяк в одну сторону, что мы, в общем-то, достаточно очевидно все наблюдали, то

УПК Российской Федерации взял ориентир на другую сторону, оставив все-таки в тени вот эту публичную составляющую.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо. Спасибо большое.

С.И. ВЕРШИНИНА

Спасибо.

Г.М. РЕЗНИК

Елена Борисовна сделала мне обоснованное замечание, что мне не стоило задавать вопросы, но просто любопытство у меня...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Генри Маркович, действительно, мы можем прокомментировать, можно в письменном виде задать вопросы, но вот такого рода дискуссию... Потому что на самом деле...

Во-первых, я хочу Вас поблагодарить, Светлана Ивановна, за то, что Вы озвучили проблемы, которые не все озвучивают, хотя, может быть, о них думает достаточное количество людей, не большинство, нет, но тем не менее достаточное количество людей.

Я Вам могу сразу сказать: я не согласна ни с одним Вашим утверждением. Ни с одним! Более того, я считаю, что Вы очень глубоко заблуждаетесь в ряде моментов. Но это моя точка зрения, и я ее доказывала неоднократно, в том числе в науке. И я рада, что уголовно-процессуальный закон в соответствии с Конституцией закрепляет эту точку зрения. Во-первых, статью 6 "Назначение уголовного судопроизводства" я читаю совершенно иначе, нежели Вы. Начинается статья 6 (назначение) как раз с защиты публичных интересов, защиты потерпевших, общества, пострадавших от преступлений. Поэтому я не вижу, почему Вы... Вы этого не увидели, Вы ровно это отрицаете. Поэтому двуединая задача, и на первом месте – публичный интерес.

По раскрываемости. А какое это имеет отношение к уголовному процессу? Вы посмотрите, что Вы предложили через термин "раскрываемость". Вы сказали: ведь у нас же следователь, он же уже все обвинение... он раскрыл, он уже везде озвучил, пусть судья проверит законность и обоснованность обвинения, которое выдвинул следователь. То есть это совершенно другая логика и суть организации судопроизводства. То есть суд только лишь утверждает обвинение (фактически то, что делает сегодня прокурор и должен делать) либо не утверждает, то есть проверяет законность и обоснованность. Согласитесь, совершенно другая концепция уголовного процесса.

Можно в этом направлении рассуждать? Но он был такой в истории, это был инквизиционный процесс, где тот, кто расследовал, он же был и судьей, назначал и даже применял тут же наказание. Но почему вся история уголовного процесса развивалась не по пути упрощения, не по пути сохранения именно того, кто расследовал преступление (он же судил и он же назначал), а по пути усложнения? Потому что, к сожалению, злоупотребления в процессе расследования, назначения наказания... Если нет четкой процедуры, если не разделить функцию расследования и функцию окончательного вынесения решения судом, то есть нет вот этого разграничения даже процессуальных функций... А так вся история процесса построена, все это направлено на то, чтобы не было монополии у того, кто принимает окончательное решение о вине, чтобы исключить ошибку, злоупотребление. Ведь как велика власть – любого человека и весь его род может превратить в ничто, размазать через возбуждение уголовного дела, обвинение, преследование, объявление этого человека мошенником, вором, убийцей! И проклятие ложится и на род тех, кто попадает под этот дамоклов меч.

Поэтому вся история – усложнение процесса, разграничение процессуальных функций. И состязательность-то фактически – это разграничение процессуальных функций между разными людьми, которые не находятся в отношениях "начальник – подчиненный". Такова логика и Конституции, и уголовно-процессуального закона. И чем она плоха? Я вижу, что ее надо развивать в этом направлении, а не в упрощении, где судья только лишь говорит: да, следовательно поступил законно и обоснованно либо незаконно и необоснованно. Нет, это очень упрощенно. Просто представьте и посмотрите, а что происходит с этими людьми, с теми, кто становится заложником такого простого обвинения и наказания или, наоборот, такого простого освобождения от наказания, преследования, от неотвратимости наказания. То есть в самой природе уголовно-процессуальной очень много рисков. Очень много! И если бы было такое...

Я про объективную истину... это вообще все устарело. Спросите любого философа, объективную истину знает разве только господь бог. Объективную истину установить, достичь почти невозможно (сколько об этом писали Гегель, Кант, все наши философы!), ну, уж не в уголовном процессе. В уголовном процессе, чего нет у нас в законе, а что надо бы, – принцип презумпции истинности приговора, вступившего в законную силу. Поэтому у нас строится по Конституции и по УПК весь процесс не на раскрываемости, потому что то, что заявили и раскрыли, – это так следователи посчитали, а у нас раскрываемость – это вступивший в законную силу обвинительный приговор суда. Вот это раскрыто, вот это точно. И принцип презумпции истинности вступившего в законную силу приговора суда, который в рамках различных судебных

и проверочных процедур никто не мог опровергнуть, – вот каково доказательство обвинения. Вот тогда, да, приговор истинен, потому что он установлен в рамках процедуры, соблюден закон полностью и никто не усомнился в этой процедуре вынесения приговора. Принцип презумпции истинности – это честно, это правильно. А объективная истина... ну, извините, невозможно на нее претендовать. Объективная истина – это высший... Это всегда объективное вменение. В конце концов это превращается в объективное вменение. А нам это надо? Зачем? Тем более что сейчас в уголовном процессе столько профессионального, столько организационно прекрасного создано! Надо просто, чтобы это работало действительно на интересы общества. И процесс будет работать как средство борьбы, но вторично. Если люди будут видеть, что, если он совершил преступление, уж точно в нашем уголовном процессе виновный от ответственности не уйдет, а если не совершил... ну, задержали тебя, но быстро разберутся и отпустят, потому что ты не виновен, потому что наш процесс справедливый и люди, которые здесь работают, справедливые и профессиональные. Вот тогда будет работать уголовный процесс профилактически как средство борьбы с преступностью. Но это вторая задача, она не первичная, она не может перекрыть первую. Вот МВД и прочие – да, для них первично раскрыть, найти, изобличить, чтобы что-то хотя бы представить, чтобы можно было расследование осуществлять и так далее. Поэтому для них – да. И я уважаю и ценю органы по борьбе с преступностью, что для них это первичная цель, так же, как уважаю прокуратуру, для которой обвинение первично, пусть они его отстаивают с рвением, так, как защита отстаивает права своих подзащитных или представляет интересы потерпевших. Это так, но весь процесс подчинять только принципам раскрываемости, что еще весьма сомнительно, – это большой вопрос.

Кстати, Николай Владимирович еще задал вопрос относительно того, как я отношусь к телевизионным шоу, художественным сериалам, которые формируют в общественном сознании образ суда, следствия, прокуратуры и вообще всей правоохранительной системы не в лучшем виде. Вы знаете, это совершенно другая сфера. Я отношусь... Я смотрю детективы, мне больше всего нравятся детективные сериалы. Какое количество хороших сериалов появилось, где у нас такие прекрасные следователи, судьи! Есть и другое. А разве в жизни этого нет? Есть.

Г.М. РЕЗНИК

Елена Борисовна, только морды что-то бьют часто, понимаете, во всех сериалах.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, "Ментовские войны"... Ужасно, ужасно! Да, насилия много. Это другой вопрос.

Давайте это в другом обсуждать...

Г.М. РЕЗНИК

Покидая с разрешения Елены Борисовны столь высокое собрание, хочу бросить одну мысль. Если следователь, как считает Александр Иванович Бастрыкин, устанавливает истину, в таком случае суд становится излишним. Надо просто задуматься над этой мыслью и тогда, по моему, все встанет на свои места.

А что касается жизни, то будут ошибочные решения, будут ошибочные приговоры, это правильно сказали. Почему многоступенчатость, фактически времени не ограничено для пересмотра обвинительного приговора, разные стадии?.. Потому что несовершенство средств познания, к которым мы вынуждены апеллировать, обрекает нас на вот эти самые ошибки. А чтобы предотвратить одну ошибку, более страшную, существует презумпция невиновности. Вот при сомнениях между милосердием и казнью избирать надо (Александр Витальевич не возражает)... разумеется, конечно, как презумпция невиновности... надо иметь сторону защиты. Всего доброго. Я извиняюсь, просто у меня...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Сторона обвинения не согласится. Но, может быть, и хорошо, что судебная процедура... Что бы ни говорили, я всегда защищала и буду защищать судебную процедуру, она несопоставима ни с какой административной, а все-таки МВД и многие другие работают по административным процедурам, особенно когда раскрывают преступления или проводят профилактические мероприятия. Так вот, судебная процедура отличается тем, что она открыта, она понятна, решения, которые выносятся, можно и нужно обжаловать и проверить, и это очень важно. Что-либо лучшее, я думаю, вряд ли можно изобрести.

Просто на самом деле есть один очень важный момент: в публичном пространстве (вот здесь я соглашусь) очень аккуратно надо относиться к оценкам, которые дают особенно влиятельные люди следователям, прокурорам, судьям, потому что художественная форма – это художественная форма, а когда по конкретным фактам дается оценка личности, некрасивая, скажу даже, оскорбительная, – это очень опасно, потому что в общественном сознании тогда точно укрепляется мнение о том, что что ни делается в этой сфере, лучше от нее подальше держаться, там только нечистоплотные, а это глубочайшая неправда. То есть как раз когда мы такие нелестные оценки, оскорбительные, унижительные, даем системе уголовного судопроизводства и тем, кто занимается этим нелегким трудом, то мы тем самым плюем в собственный колодец, потому что общественное мнение... Мы же оттуда (нет у нас другой системы, нет других людей), соответственно, потом черпаем... и туда идем, чтобы добиваться справедливости. Вот

применительно к правоохранительной системе и судам, тем, кто участвует в дознании, следствии, обвинении, правосудии собственно, очень аккуратно надо высказывать публичные оценки. Можно не соглашаться с чем-то, но очень корректно, сожалея, еще что-то, но только ни в коем случае не оскорблять.

С МЕСТА

Елена Борисовна, все-таки само выступление Светланы Ивановны... Она сказала о раскрытии... Мы сейчас посмотрели с Александром Витальевичем, термин действительно в УПК есть. Надо, наверное, так: либо, если он есть, его раскрывать, что это такое, тем более это применительно к досудебному соглашению, и судья должен оценить, оказал обвиняемый содействие раскрытию и расследованию или не оказал, либо отказаться от него. Поэтому проблема-то, мне кажется, правильно поднята. Термин есть, значит, он должен быть расшифрован. Так ведь?

Е.Б. МИЗУЛИНА

Не говорю, что неправильно, наоборот, говорю: Светлана Ивановна, спасибо, что Вы подняли вопрос в этом направлении, потому что это надо обсуждать и друг друга убеждать. И я, например, высказав свои возражения, вовсе не утверждаю, что моя точка зрения под влиянием такого рода дискуссии не меняется и не может меняться. Это не так. Поэтому я Вам благодарна за то, что Вы так вопрос поставили. И, действительно, коль скоро есть термин "раскрытие", где-то он там проходит...

С МЕСТА

Есть в досудебном соглашении.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Но дело в том, что надо смотреть, очень много терминов внесли после того, как мы готовили... Мы очень осторожно относились к терминологии. Это у меня еще и в диссертации было, это мое открытие по поводу терминологии, за это много очень хвалили. Так вот, могу вам сказать, что, если такой термин есть, Вы правы, мы же даже "алиби" дали, хотя один раз этот термин используется в тезаурусе... Поэтому те термины, которые есть, должны содержать какое-то определение, иначе действительно применять очень сложно. Будем смотреть, я это зафиксировала. И не только это, Светлана Ивановна.

С.И. ВЕРШИНИНА

(Говорит не в микрофон. Начало плохо слышно.) Я не говорю об упрощении, я говорю о том, что уголовный процесс мобильный и на каждой стадии должны быть четко обозначены те

цели и задачи, которые как бы завершают, потому что на сегодня... Я почему говорю о раскрытии? Это один из примеров. На сегодня нет четких ориентиров для должностных лиц. Отсюда и проблема раскрытия, расследования, уголовное преследование.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Светлана Ивановна, может быть, Вы попробуете сформулировать, что бы Вы хотели видеть, чтобы можно было понять, как Вы это себе представляете, потому что я не вижу... То, что каждая последующая стадия является проверочной по отношению к предыдущей в уголовном процессе, – это азы, это так. Но должно быть... Вы что хотите, чтобы в приговоре суда еще?.. Если обвинительный приговор суда – это и есть оценка обвинения.

С.И. ВЕРШИНИНА

Я как раз и говорю, что преступление расследуется и раскрывается в досудебном производстве. А в суде происходит проверка законности принятого решения органами расследования.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Но тем не менее то, что раскрыто в ходе досудебного производства, – это еще не есть собственно раскрытие, потому что может оказаться, что это не так. Соответственно, это не совсем раскрытие. Я про это Вам сказала, что нельзя, это неточно по меньшей мере, а то и ошибочно, – говорить о том, что раскрытие в нашем уголовном процессе в том понимании, как сейчас его на практике применяют правоохранительные органы. Это очень большой вопрос.

Давайте пообсуждаем и посмотрим, потому что, вообще-то, мы выходим на вопрос об оценке деятельности и о показателях оценки деятельности органов следствия, дознания, прокуратуры. Потому что на самом деле сегодня фактически единственный критерий – это число возбужденных уголовных дел, число дел, направленных в суд, потому что это раскрываемость. Но наклепать и то, и другое число очень легко, понимаете? Очень легко. К сожалению, это так. И как уйти от того, чтобы не были эти показатели?..

Да, Римма Николаевна Ласточкина.

Р.Н. ЛАСТОЧКИНА

Можно я прохриплю немножко в связи с этим? Вы сказали, что надо включить как-то критерии оценки. Тогда органы расследования окажутся как бы в парадигме Уголовно-процессуального кодекса, если они будут понимать, если будут критерии правильно определены, ради чего они работают. Вот в связи с этим это важно.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, спасибо. Это немножко... Ну нет, мы в УПК это вряд ли сможем... Давайте попробуем, и вряд ли в УПК, а вот за пределами... Я вам скажу, что я, например, в этих дискуссиях еще на заре Советского Союза... Еще был Советский Союз, мы это обсуждали. По-моему, Вы тоже были, Римма Николаевна, на заседании школы молодых ученых-юристов, это было, по-моему, в Риге, где-то в Латвии. И министр внутренних дел Латвии обратился к нам с просьбой, чтобы мы нашли такие показатели оценки, чтобы сами сотрудники милиции, следователи, дознаватели стремились к ним. Это действительно непростой вопрос.

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, да. Давайте, да. Это вопрос... Может быть, сейчас уже, когда все-таки многие глобальные проблемы разрешены и уже много таких вот частных, но очень важных моментов, мы выходим за пределы. Может быть, настало их время. Давайте обсуждать, это интересно на самом деле. Не может быть, чтобы нельзя было найти решение, нет, этого не может быть.

С МЕСТА

Елена Борисовна, все критерии коррупционные. И система критериев, действующих в МВД, это доказывает. Если бы этот приказ кто-то в Минюсте посмотрел, то давно его похоронили бы.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нет, понимаете, здесь нужно как раз выводить формулу, здесь математики нужны. Потому что если брать количество возбужденных дел – нет. А здесь надо брать взаимоисключающие – и отказы, и возбуждение, и направленные в суд, и прекращенные. То есть вот как?.. Формулу надо составлять, это надо с математиками... Тогда будет оценка. Но это надо обязательно обсуждать и выбирать все критерии, которые одновременно должны учитываться.

А.С. АЛЕКСАНДРОВ

Я перегораю, Елена Борисовна.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Александр Сергеевич, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД, пожалуйста, Вам слово. Вы дождались.

Приготовиться Воронцовой Оксане Викторовне.

А.С. АЛЕКСАНДРОВ

Елена Борисовна, спасибо Вам, что Вы – демократ и что Вы стимулируете вот такие технологии.

Е.Б. МИЗУЛИНА

У нас, в Совете Федерации, не принято говорить: демократ, не демократ...

А.С. АЛЕКСАНДРОВ

Нет, но Вы приветствуете технологии, за которые я выступаю...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нет, это мои профессиональные воззрения.

А.С. АЛЕКСАНДРОВ

...открыто, публично, гласно обсуждать вопросы, а не кулуарно...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, конечно. Это правда.

А.С. АЛЕКСАНДРОВ

...так, чтобы ставить перед случившимся фактом общественность и принимать уже к исполнению.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

А.С. АЛЕКСАНДРОВ

Хотя я офицер полиции и мы должны исполнять, а не обсуждать законы, но тем не менее позволю себе...

Е.Б. МИЗУЛИНА

На этой площадке можно, Александр Сергеевич.

А.С. АЛЕКСАНДРОВ

Можно? Ура!

Е.Б. МИЗУЛИНА

На парламентских слушаниях можете говорить...

А.С. АЛЕКСАНДРОВ

Потому что я приехал с начальником своим, как комиссаром. Она фиксирует каждое мое слово и уже готовит докладную.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нет, нет, здесь можно. Вы же здесь не применяете... Пожалуйста, Александр Сергеевич.

А.С. АЛЕКСАНДРОВ

Коллеги, я слушаю выступления и ловлю себя на мысли: "Не то, не то". Помните, как в фильме "Тот самый Мюнхгаузен", в самом конце, когда перед пушкой он стоит? Он говорит любимой: "Скажи что-нибудь мне на прощание". – "Я люблю тебя". – "Не то". – "Я буду ждать тебя". – "Не то". – "Ты самый лучший". – "Не то". – "Они подсыпали тебе сырой порох". – "Точно".

Елена Борисовна, при том, что Вы – демократ, Вы – наивный человек. И Ваша наивность заключается в том, что Вы верите в следователя, в институт следователя, в то, что следователь должен быть процессуально самостоятельным, что следователь всесторонне, объективно, полно расследует дело, что он не должен быть участником со стороны обвинения. В этом, наверное, и причина недееспособности той модели, которая, я считаю, переживает деградацию, кризис и которую большинство из здесь присутствующих принимают как само собой разумеющуюся, как данность. Это полусоветская модель.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Это компромисс.

А.С. АЛЕКСАНДРОВ

Полусоветская модель и, может быть, даже ухудшенная советская модель. Я-то работал советским следователем и могу сказать, что для своего времени это была вполне адекватная технология противодействия преступности, да и защиты прав и свобод человека и гражданина, хотя об этом тогда не говорили. А сейчас у нас ухудшенный вариант советской модели – полусоветская модель. Ее крайним воплощением стал Следственный комитет.

Поэтому первое мое предложение (запишите) – ликвидировать Следственный комитет Российской Федерации (*оживление в зале*) как воплощение зла, как воплощение тех ошибок, которые сделал наш законодатель начиная с 2007 года, когда он отделил следственную власть от прокурорской, когда он ограничил полномочия прокурора по руководству предварительным следствием, когда он вообще искорежил всю модель досудебного производства, в которой главным должен быть прокурор. Прокурор – глава обвинительной власти. Прокурор осуществляет, руководит уголовным преследованием, как сам, так и посредством офицеров полиции. Я считаю, что институт следствия вообще должен быть ликвидирован. Это архаика, это изжившая себя вещь. Вместо него должны быть агенты обвинительной власти, офицеры полиции, офицеры других спецслужб, которые проводят досудебное производство по раскрытию преступления и по подготовке фактических материалов, которые являются носителями доказательственной информации, не доказательствами, а возможными доказательствами.

Там есть информация, которую я получил, будучи субъектом со стороны обвинения. Мы готовим своих сотрудников как собак правосудия: ищите, выискивайте, вынюхивайте, собирайте, избобличайте... материал обвинительный, который будет представлен через прокурора суду. Прокурор должен выносить постановление о предъявлении обвинения в судебном порядке. Это исковое понимание обвинения. И суд, пожалуйста, вызывает обвиняемого, который и не знал, что в отношении него ведется расследование тайно. Если ограничиваются права, то, значит, с разрешения суда, но опять же втайне от человека, который разрабатывается. И только в суде мы его ставим в известность: гражданин, мы обвиняем Вас в совершении преступления, вот в отношении Вас такие-то, такие-то доказательства, в течение такого-то времени можете с ними ознакомиться. И далее, с этого момента начался процесс – процесс, когда обе стороны, пожалуйста, собирайте доказательства (сторона защиты имеет те же самые права, помимо тех действий, которые сопряжены с ограничением прав и свобод человека и гражданина), проводите экспертизы за свои деньги, депонируйте показания или просто ищите людей, которые будут подтверждать вашу позицию в суде. Пожалуйста, полное равноправие сторон, после того как "выкатили" обвинение, сформулировали и предъявили. Если сразу признал себя виновным в совершении преступления – на этом процесс и заканчивается, выносится обвинительный приговор. Всё, спора нет. В большинстве случаев так и будет. Если он начинает упираться, он не согласен с обвинением, тогда, по-моему, – вот это расследование, которое предшествует уже настоящему судебному разбирательству, когда обе стороны уже подготовились к нему и аргументируют свои позиции. Вот и все, все же очень просто.

Наши западные партнеры, по СНГ примерно в той или иной степени эту модель приняли. А мы, Российская Федерация, где оказались? В тупике историческом. Понимаете? Почему не доходит до наших уважаемых ученых-юристов, что наша полусоветская модель стала образцом только для нескольких среднеазиатских республик и для Белоруссии? Все, мы остались в культурно-правовой резервации. Я общаюсь с украинцами, с грузинами, они уже смотрят на нас как на страну третьего мира. Пускай у них все коряво получилось, пускай они не достигли во многом того, чего хотели, но они встали на этот путь, а мы нет. А мы остались в "совке", Елена Борисовна.

И поэтому мое второе предложение (запишите) – внедрить в Уголовно-процессуальный кодекс перекрестный допрос. Вот все, о чем тут говорил Генри Маркович... Он не понял сути процесса, он не понял, что такое состязательность, он не понял, что такое справедливость. Вся квинтэссенция состязательного судоговорения – предоставление права обвиняемому на

перекрестный допрос основных свидетелей обвинения. Это означает, что следователь вообще не может получить доказательства личные втихаря, и потом прокурор их огласил (протокол допроса свидетеля такого-то, потерпевшего такого-то), не позволив мне посмотреть на него, в глаза ему, поставить вопрос и заставить отвечать на мои вопросы, и чтобы судья мне не мешал и не снимал мои вопросы без уважительной причины. Суть перекрестного допроса и суть состязательного правосудия в этом и заключаются. Те страны, которые встали на путь реального реформирования своей судебной системы (откройте УПК Грузии, откройте УПК Украины, откройте УПК Казахстана), там прописан перекрестный допрос. Я же говорю: образцом я считаю УПК Эстонии в этом плане. Они прописали этот институт и, я считаю, тем самым подтвердили, что это демократическое правовое государство, где действительно есть гарантии защиты и доступа к правосудию. Пока у нас не будет перекрестного допроса, у нас не будет того желаемого нами справедливого судебного разбирательства, о котором, кстати говоря, Европейский суд по правам человека говорит (и этот стандарт закреплён в статье 6) и который у нас вроде бы формально подтвержден. Но что получила статья 281? Посмотрите новую редакцию. Это же издевательство над перекрестным допросом. Они фактически опять же обошли это всё и позволили следователю формировать следственным путем показания, пускай через проведение очной ставки.

То есть мы пока не сделали этого решительного шага, реформы не провели. И тут говорили о том, что какая-то новая модель, что какое-то новое слово в развитии процессуалистики... Да ничего мы не сделали. Мы, к сожалению, остались в той, советской эпохе, не сделали мы самого главного – не реформировали досудебное производство, не ликвидировали институт следственной власти, не ликвидировали следственную технологию формирования доказательств, не сделали именно суд, судебную технологию, главным. Совершенно правильно Александр Витальевич говорил, я на 100 процентов с ним согласен. За исключением нюансов мы с ним – единомышленники.

И с Борисом Яковлевичем согласен: конечно, пора уже эти все следственные атрибуты и следственный институт предъявления обвинения... Как так? Получается, следователь, предъявляя обвинение, привлекает к уголовной ответственности. Я сейчас перейду к заключению. Это же просто глупость с точки зрения и презумпции невиновности, и состязательности – всего. А у нас в модели Уголовного кодекса именно это заложено, именно это стало причиной принятия статьи 299. Я, как представитель офицерского корпуса полиции... Мы воспринимаем это как закон против нас, как недоверие к нам.

10 лет "выкатывать" за незаконное возбуждение уголовного дела в отношении предпринимателей – это как получается? Это я рассматриваю как паллиатив, как наименьшее зло в сложившейся ситуации, когда, как вы говорите, преследуют предпринимательский слой. А он не хочет молчать, он в отношении остальных категорий граждан обладает большими возможностями пролоббировать свои интересы, что они и сделали – особый порядок привлечения к уголовной ответственности. Как вот?.. Все промолчали фактически, кроме меня и моей жены. Где равенство перед законом и судом? Где все эти стандарты справедливости, когда фактически?.. И Пленум Верховного Суда это подтвердил в постановлении от 15 ноября 2016 года № 23 – особый порядок привлечения к уголовной ответственности привилегированной группы по профессиональному и социальному признаку.

Почему это сделано? Ну, потому что действительно структура и строй нашего уголовного процесса таковы, что они позволяют следственным путем привлечь к уголовной ответственности человека и пресловутый его, использовать возбуждение уголовного дела, предъявление обвинения и так далее, но это не очень хорошо. Только через суд все это должно быть, и тогда не будет никаких проблем со злоупотреблением этими институтами. Понимаете?

Где наш уважаемый прокурор, где наш суд? Что же они молчат? Почему полиция крайней оказалась? Почему ее, так сказать, козлом отпущения выставляют? Она во всех этих разборках получается самая плохая. Потому что вот структура процесса такая, она заставляет. Мы оперов заставляем и учим их: вы должны быть собаками правосудия, раз есть статья Уголовного кодекса, ищите признаки преступления, вынюхивайте, изобличайте. Но дальше уже суд и прокурор должны отсекают, они должны делать процесс. А офицер полиции вообще вне процесса должен быть. Он там, он – оэрдэшник. Вот в чем проблема-то! Мы фактически на полусоветскую модель навешиваем сейчас все новые и новые институты, утопаем, как в болоте, принимаем законы, которые ухудшают эту модель. Поэтому тут только один выход – менять модель, как это, в общем, ни затратно, ни неприятно. Но дешевое правосудие и прочее... В общем, все затраты окупятся. Я не думаю, что это будет очень дорого, как пугают наши коллеги – Волеводз и прочие, – что мы разоримся на реформе уголовного процесса. Я думаю, не разоримся. Другие же страны перешли. Казахстан перешел. Хотя не так идеально, конечно, но все равно перешли они на новую модель. И то, о чем мы только мечтаем (депонирование и прочее), у них есть, у них работает, и преступность... землетрясения не случилось.

Так что, Елена Борисовна, спасибо. Хотя Вы меня пригласили, но Александров Алексей Иванович этому способствовал. Но я всегда буду рад поучаствовать в таких мероприятиях и представить позицию ученых Нижегородской академии МВД.

И, кстати говоря, у нас уже есть готовый проект общей части и некоторых статей...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нет, не надо новый УПК... Вы не сделаете лучше, это я Вам гарантирую.

А.С. АЛЕКСАНДРОВ

Не надо?

Е.Б. МИЗУЛИНА

И вообще любой новый закон...

А.С. АЛЕКСАНДРОВ

Лучше Вашего УПК ничего нет, да?

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нет. Я сейчас скажу. Это не мой УПК. Если бы был мой, то он был бы совершенно другим. И Вы бы тут тогда сейчас не так говорили, если бы был УПК таким, каким я его вижу. Александр Сергеевич, спасибо Вам большое.

А теперь я дам некоторые комментарии. Во-первых, в Нижегородской академии МВД долго работал совершенно потрясающий ученый, мой оппонент, который поддержал меня в те годы, когда в советской уголовно-процессуальной науке пытались не давать слово, защититься, – это Валентин Тимофеевич Тomin. Вот мы с ним – абсолютные единомышленники.

И применительно к роли и месту полиции, полицейских... У него совершенно замечательные комментарии к УПК, они мне очень нравились (к этому уже), самые лучшие, учебники. Много было бесед за все те годы, которые я общалась с ним. Это, конечно, выдающийся процессуалист. Я думаю, что немножко бы он с Вами сегодня не согласился.

Александр Сергеевич, так не я – наивный человек, а Вы – наивный человек. Во-первых, Вы наивны, думая, что, если Вы убираете следователя (я только не поняла, Вы ерничаете или всерьез), а оставляете только обвинителя, значит, у нас все разрешится. Не разрешится. Почему Вы считаете, что обвинители будут более нравственными, профессиональными и добропорядочными, чем следователи? Вот в этом и есть проблема того, что через всякие лоббирования групп интересов, как правило, из числа депутатов, которые когда-то работали в тех или иных структурах, и были проведены нормы, которые прокуратуру лишили функции надзора за следствием, а следствию и следователям Следственного комитета, и территориальным его

подразделениям предоставили очень большие полномочия, в том числе начальникам следственных управлений – полномочие по осуществлению надзора за следователями.

То есть все это как раз произошло почему? Потому что Следственный комитет убеждал: вот мы, следователи, честные и порядочные, а в прокуратуре – одни коррупционеры. Прокуратура боролась за обратное – что вот следователи без надзора, и у них коррупция, а мы честные. Это путь в никуда, потому что на самом деле ничего лучше, чем разграничение процессуальных полномочий и устранение монополии, человечество не придумало. Но надо выстроить эту модель, не пытаясь... Сначала создали Следственный комитет и зачем-то убрали функцию надзора за ними, а теперь давайте мы опять все "сольем" в прокуратуру, пусть теперь прокурор будет и расследователь, и обвинитель. То есть бесконечно нас будет лихорадить от одной реформы к другой. Никаких расчетов относительно того, что это будет лучшая система, чем сейчас, вы не представили и вряд ли сможете представить. Это, кстати, очень трудоемкий процесс, потому что, когда мы готовили УПК... Я не случайно говорила о том, что была создана целая рабочая группа Козака и там система. Ведь одновременно вносилось большое количество поправок в другие законы, касающиеся судебной системы в целом, одновременно разрабатывалась федеральная целевая программа по развитию судебной системы, очень затратная. Тогда нам казалось (там где-то 80 с лишним миллиардов, мы рассчитали), что это невозможно. А посмотрите, действительно все правильно рассчитано, и на годы... Вот за 15 лет было, наверное, три таких программы. Посмотрите, как сильно изменилась система. Поэтому надо бояться не того, какими будут затраты. Разумно составляя программу и движение, все можно поднять и существенно изменить. Но важно, чтобы это было рассчитано – а какой должна быть оптимальная система. И не шараться без конца то в одну сторону, то в другую: то ввели суд присяжных, то его весь скрутили, то ограничили следователей, то дали невероятные полномочия... Нельзя так делать. К тому же кто-нибудь, вводя эти новые системы, официально (Правительство, Президент, какие-то научные школы или ведомства) представил серьезный доклад со всеми расчетами, с независимыми экспертными данными? Вот рассчитывали на такую норму, вот она сработала не так, вот так надо изменить, вот такие статистические данные, не выборочные какие-то. Потому что даже при всем уважении, Борис Яковлевич, там очень много вопросов к тем статданным, которые Вы даете. И поверьте, за эти-то годы... Вы знаете, как я со статистикой работаю, ею манипулировать очень легко. Поэтому здесь очень важно не просто общее число, а причины тех же отказов: а почему, а по каким делам, а кто был потерпевшим и так далее. То есть это очень серьезный анализ.

А у нас деньги выделялись на такого рода исследования? А у нас сопровождаются изменения такого рода исследованиями? Вот 2001 год – да, тогда было очень трудно, но это всё делалось в той системной группе. А после этого – нет, никаких... Два года работал наш мониторинг, где мы своими силами собирали, и опросы проводил РАГС среди сотрудников правоохранительных органов и судей. И можно спорить с этими данными. Ну, спорьте, представляйте другие. А просто говорить голословно, что Вы наивны, надо сделать не так, а так... Так не проводятся реформы. Не проводятся. Это должен быть очень серьезный анализ – сначала того, что сделано и почему не сработало, а потом уже предложений с расчетами на будущее, как это изменить. Никак иначе мы с вами систему сдвинуть не сможем, у нас будет только шарахание. Чуть-чуть поработали, кому-то это не понравилось, давайте сделаем другое. Ушла Мизулина, пришел другой, пришел Александров Александр Сергеевич – сделал по-другому. Ну, не будет... уже доказано это за все последние годы, не работает так система. Она должна быть изменена системно, всерьез и надолго. Здесь надо набраться и терпения, надо анализировать то, что сделано, обсуждать, прежде чем что-то менять, посмотреть, в чем причины ошибок.

Вот я лично вижу ошибки не в том, что плохие Бастрыкин и следователи, и Следственный комитет. Уж поверьте, у меня обращений не только со стороны бизнеса, здесь я с Вами соглашусь. Но не только Вы со своей женой – я на заседании комитета выступала по этому поводу, в том числе по данному законопроекту, и не только по нему, а еще два других приняты. Потому что, не будем забывать, такое же выборочно сделано применительно к возврату предметов и документов, которые не признаны вещественными доказательствами. Почему только для бизнеса и то по ряду преступлений? А все остальные?

Поэтому этот подход, Вы абсолютно правы, неперспективный, от него все равно мы откажемся обязательно, я буду тоже инициировать поправки. И очень хороши такие обсуждения. Потому что это неправильный подход. Уязвимая сфера бизнеса, да, но защищать так, выделяя только их, – это вредить системе бизнеса. Потому что вот так будут такие рассуждения, как Вы говорите: ну, эти проплатили – им сделали, они привилегированные. А другие хуже, что ли? И очень трудно, невозможно с Вами здесь спорить. Вы абсолютно правы.

Поэтому менять надо там, где мы разобрались, в чем причина. Я еще раз говорю: я считаю, что ошибка произошла в том, что, создавая самостоятельную структуру – Следственный комитет... Я не вижу ничего плохого в этом движении, очень хорошее. И я не уверена... Вот как раз переход... А потом, они же санкции суда почти на все процессуальные действия в ходе предварительного... Давайте там менять что-то. А вот то, что убрали надзор прокуратуры, – это да.

То, что прокурор сегодня за качество обвинения не отвечает (он действительно "министр без портфеля" в уголовном процессе), – это правда. И давайте разберемся (может быть, я ошибаюсь), но только с аргументами, со статистикой, с данными, а не просто говоря: вот это всё перечеркнем и сделаем по-новому. Не думаю, что это будет продуктивно.

Ну а бояться затрат... Надо предлагать, надо двигаться, делать и потом уже считать, потому что деньги – это то, что можно и по времени разложить. Вот я вам еще раз говорю: сама свидетель тому, что казалась неподъемной судебная реформа по тем суммам, которые... А сейчас они все... И даже больше вложено, и дальше... Поэтому не деньги здесь главное. Главное – наш идеологический подход, четкий, понятный, система принципов.

И опять же, на Казахстан, на Белоруссию, на кого угодно ссылайтесь – не аргумент. К тому же и мы тогда готовили, Следственный комитет, они уже тоже пришли... Они же ввели первые. У нас все: "Ах, Следственный комитет, как хорошо, в Казахстане!" Потом все заговорили: "А, нет, Казахстан ошибся, быстро стал править". Ну, не надо гнаться за теми, кто еще не апробировал до конца, где опыта-то нет годами. А мы уже сразу...

Потом, я там была в спецсовете долго по защите кандидатских и докторских диссертаций. Не надо думать, что там в чем-то опередят, не надо. Не надо недооценивать нашу, отечественную, науку, ее традиции, опыт, профессионализм. Самоуничижением не надо заниматься. Еще раз: наблюдая за опытом других, изучая его, все-таки надо брать всё в системе и учитывать наши особенности.

Казахстан – не Россия (не Россия!), и даже территориально, и по многим другим моментам. Поэтому всё надо делать применительно к нашим условиям. Мы это учитывали, и учитывали наши традиции, и опирались на Устав уголовного судопроизводства 64-го года в той части, в которой это возможно было сделать. Но спасибо за разговор и за Ваши предложения.

Перекрестный допрос... Наивны! Вы думаете, мы этого не предлагали? А Вы попробуйте, проведите! Помимо предложений, вот мы дискутируем, еще нужно накопление общественной позиции, чтобы такого рода поправки, в частности перекрестный допрос (это ярко, это сильно действительно), можно было в суде обеспечить. Не думайте, что это настолько... Вот Вы очень наивны, скажу Вам, наивны, потому что помимо юридического есть политическое, то есть как обеспечить, как провести, как эта "дорожная карта" (теперь так стали называть)... а это тоже очень трудоемко. Но обязательно надо обсуждать, и площадка парламентских слушаний (именно в парламенте!) – это самый быстрый способ достучаться до тех, кто принимает решения, это правда. И чем более профессиональными будут разговоры и предложения, тем, я думаю, мы скорее

придвинем ту ситуацию, когда все-таки в своем большинстве будем говорить: ну, наконец-то, все-таки получили такую судебную систему, сферу правосудия (я называю это сферой уголовного правосудия, ведь и следствие, и прокуратура – всё это обеспечивает ее), которой общество доверяет, и уровень очень высокий, и сама система работает как профилактика. При такой системе преступники подумают много раз, совершать ли им преступление. Но так будет. Может быть, я наивна, но если в это не верить, то лучше ничего не делать, не быть ни в парламенте, ни в науке.

Воронцова Оксана Викторовна, декан юридического факультета Коми республиканской академии государственной службы и управления.

Приготовиться Головкову Вячеславу Леонидовичу.

О.В. ВОРОНЦОВА

Добрый день, уважаемые коллеги! Я счастлива сегодня присутствовать здесь среди столь действительно высокого, уважаемого сообщества, попытаюсь найти свое место здесь. Елена Борисовна уже сказала, что здесь присутствуют и практики, и теоретики, и великие, замечательные ученые. Но есть еще (я записала) страдальцы. Мы, Республика Коми, видимо, входим в эту категорию граждан, лиц и так далее. И, наверное, я не смогу поддержать тот градус дискуссии, который был задан, на таком уровне поддерживать дискуссию, но хочу попытаться в отведенные мне пять – семь минут все-таки выступить, высказать конкретику, те предложения, которые, конечно, я привезла сюда от Республики Коми, от правоохранителей, от следственного комитета, прокуратуры и так далее.

Итак, конкретно пять – семь минут, и по положениям, которые потом мы вам обязательно передадим.

Первое. Считается необходимым внесение изменений в часть пятую статьи 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части конкретизации оснований для возможности расследования указанных в ней преступлений следователями различных органов. Действующая редакция закона, в соответствии с которой предварительное следствие может производиться также следователями органа, выявившего эти преступления, является недостаточно конкретной и допускает неоднозначное толкование. Так, под выявлением может пониматься как регистрация сообщения о преступлении, так и получение сведений о нем в рамках оперативно-розыскных мероприятий. Полагаем, что указанную формулировку необходимо изменить на "предварительное следствие может производиться также следователем органа, зарегистрировавшего заявление (сообщение) об этих преступлениях".

Второе. На основании положений статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа (то, что тоже актуально для нашей республики, и не только, наверное, для нее), других имущественных взысканий следователь с согласия руководителя возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или иных лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия. В силу сложившейся судебной практики следователь не может наложить арест на имущество организации, руководителем которой совершено преступление. Это может касаться, например, уклонения от уплаты налогов, неисполнения обязанностей налогового агента, невыплаты зарплаты и так далее, поскольку, как все мы с вами прекрасно знаем, юридическое лицо не отвечает по обязательствам физического лица. Однако думается, что, поскольку преступление было совершено все-таки физическим лицом, будучи руководителем данной организации в определенной взаимосвязи, разумно было бы разрешить органам предварительного следствия накладывать аресты в качестве обеспечительных мер и на имущество организации. Я повторяю: это то, что актуально сейчас для нас по всем известному делу Гайзера, и не только.

Следующий момент. Необходимо наделить прокурора полномочием, то есть вернуть то положение, которое существовало до 2007 года, по возбуждению уголовных дел по любой статье Уголовного кодекса Российской Федерации, как полномочие по возбуждению дел, если брать аналогию, по Кодексу об административных правонарушениях, в том числе и при отмене постановлений органов дознания и следствия об отказе в возбуждении уголовных дел. Данное полномочие, как считают практики, будет эффективным средством реагирования прокурора на выявляемые при осуществлении надзора нарушения закона, допущенные органами расследования, и позволит избежать ненужной волокиты при неоднократных отменах прокурором незаконных постановлений органов расследования об отказе в возбуждении уголовного дела.

Еще один момент, который связан с тем, что я уже озвучила. Необходимо наделить прокурора полномочием (опять же вернуть положение, которое существовало до 2007 года) давать органам предварительного следствия обязательные для исполнения указания, которые следователи с согласия руководителя следственного органа могут обжаловать, при этом обжалование не приостанавливает их действие, опять же по аналогии с органами дознания. Это позволит прокурору опять же более эффективно осуществлять надзор за предварительным следствием, поскольку это будет быстрее, чем внесение требований в порядке пункта 3 части второй статьи 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

И еще один момент (сокращаю, пропускаю, чтобы экономить время) – то, что касается некоторых аспектов конвергенции уголовно-процессуального законодательства и гражданского процессуального законодательства, что еще раз подчеркивает, понятно, серьезность того обсуждения, которое у нас сегодня проходит здесь, то есть насколько это влияет еще и на другие отрасли. Действующим уголовно-процессуальным законодательством не урегулирован порядок разрешения исковых требований потерпевшего о возмещении причиненного в результате преступления ущерба либо компенсации морального вреда в случае вынесения судом решения о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям. Так, согласно положениям статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса в судебном заседании прекращают уголовное дело в случаях, если в процессе судебного разбирательства будут установлены обстоятельства, указанные в пункте 3 части первой статьи 24 УПК, в соответствии с которыми уголовное дело подлежит прекращению по истечении сроков давности.

Аналогичное положение также закрепляет Уголовный кодекс в статье 78, согласно которой лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности, если после совершения преступления опять же истек установленный в данной норме в зависимости от тяжести деяния период. При этом из части второй статьи 27 УПК следует, что единственным условием уголовного преследования по указанным основаниям (мы также все прекрасно это знаем) является лишь согласие на это подсудимого, то есть ни вина в совершении описанного в обвинении деяния, ни даже причастность лица к нему и, соответственно, к причинению вреда проверке в данном случае не подлежит. В то же время прекращение уголовного дела и освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности не освобождает виновного от обязательств по возмещению нанесенного ущерба и причиненного вреда.

По смыслу части четвертой статьи 61 Гражданского процессуального кодекса прекращение уголовного дела не предполагает обязанности суда признавать без дополнительной проверки те или иные обстоятельства, изложенные в обвинении, что влечет необходимость исследования в судебном заседании доказательств, свидетельствующих о том, имели ли место действия, в результате которых был причинен вред, совершены ли они указанным лицом, какова степень его вины и так далее. Исследование таких доказательств в рамках уголовного дела после принятия решения о прекращении уголовного преследования не отвечает целям уголовного судопроизводства, влечет его затягивание и понятно, что не соответствует требованиям статьи 6¹ УПК Российской Федерации.

Несмотря на указанные обстоятельства, порядок действий суда при наличии в деле искового заявления потерпевшего действующим уголовно-процессуальным законодательством (то, с чего я начала) не регламентирован, в связи с чем также считаем необходимым дополнить статью 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации положением, предусматривающим полномочие суда по передаче исковых требований потерпевшего для рассмотрения, уже понятно, в порядке гражданского судопроизводства в случае прекращения уголовного преследования подсудимого по нереабилитирующим основаниям. Все. Спасибо большое за внимание.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо. Я записала, на самом деле есть такой момент. Хорошо. Спасибо большое, Оксана Викторовна.

Слово предоставляется Головкову Вячеславу Леонидовичу, судье Верховного Суда Республики Коми, кандидату юридических наук.

Приготовиться Обидиной Людмиле Борисовне и Сдобникову Вадиму Витальевичу. Вы, видимо, вместе будете.

Пожалуйста, Вячеслав Леонидович, Ваша честь.

В.Л. ГОЛОВКОВ

Спасибо, Елена Борисовна.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Когда писали УПК, вот эти термины – "Ваша честь"... Мы к нашим коллегам из Верховного Суда обращаемся в рабочей группе именно так.

В.Л. ГОЛОВКОВ

Спасибо, очень приятно.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Пожалуйста.

В.Л. ГОЛОВКОВ

Елена Борисовна, прежде всего, хотел бы поблагодарить за то, что Вы пригласили для участия в столь интересном мероприятии, которое действительно имеет глубокий научно-практический характер. Слышу доклады коллег – действительно очень интересно.

Вы упоминали о том, что судебная реформа уже длительное время активно продвигается и действительно судебная система развивается. Я в структуре судебной системы работаю более 15 лет, на собственном опыте это увидел.

Тема моего доклада будет связана с концептуальными основами дальнейшего развития судебной системы. Хотел бы вашему вниманию предложить основные положения развития судебной системы в аспекте реформирования судов апелляционной и кассационной инстанций.

О чем здесь будет идти речь? Речь будет идти о создании федеральных окружных судов. Идея создания таких судов не нова. Как уже упоминалось, концепция 1991 года заложила многие серьезные основы для дальнейшего развития судебной системы, в том числе было предложено сформулировать иной подход к судебным инстанциям. Было предложено организовать две ветви судебной власти – ветви республиканской власти и федеральной власти – и в качестве промежуточного этапа создать окружные суды, которые должны были организоваться на тех территориях, которые не совпадали с территориями субъектов Российской Федерации, что очень важно.

Далее. Данный вопрос поднимался на III Всероссийском съезде судей уже в 1994 году. Данная концепция, выработанная там, предлагала также установить промежуточное звено судебной системы – федеральные окружные суды. В этом же направлении рассуждали и разработчики федеральных конституционных законов об административном судопроизводстве Российской Федерации, а также о судебной системе Российской Федерации. Однако в то время законодатель не пошел по пути таких преобразований, а пошел по более простому пути, и в принципе мы понимаем почему – потому что ситуация в России была несколько иной.

В настоящее время хотелось бы сказать, что ситуация серьезно изменилась, что уже сейчас реально позволяет говорить о возможности возврата к той модели, которая неоднократно обсуждалась. И, на наш взгляд, для учреждения системы судов общей юрисдикции, федеральных окружных судов в настоящее время созданы необходимые организационно-правовые условия.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Абсолютно согласна.

В.Л. ГОЛОВКОВ

И существует как минимум три факта, позволяющих реально обсуждать эту тему. Во-первых, образованы федеральные округа, в этих округах уже четко структурированы органы государственной власти, которые выполняют функцию промежуточной власти между субъектами Российской Федерации и, соответственно, федеральным центром. Во-вторых, имеется огромный положительный опыт организации арбитражных судов. Мало того что это не только опыт, а теперь еще существует база этих судов, на основании которой уже можно строить и федеральные суды, для судов общей юрисдикции.

И, наконец, в настоящее время назрела процессуальная необходимость создания таких судов в системе судов общей юрисдикции. В первую очередь важно указать на целесообразность передачи функции по апелляционному пересмотру решений судов по первой инстанции от Верховного Суда России федеральным окружным судам, что позволит высшему судебному органу более тщательно сосредоточиться на вопросах формирования единой судебной практики, а также на надзорном производстве.

Что касается кассационного производства, то суть проблемы заключается в том, что в настоящее время кассационный пересмотр, как правило, замыкается на уровне региональных судов, а, как мы знаем, как раз региональные суды и рассматривают дела в апелляционной инстанции, то есть фактически говорить о подлинной и настоящей объективности, наверное, не всегда можно.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Сколько получается? Первая, апелляционная, кассационная, еще надзорная...

В.Л. ГОЛОВКОВ

Да.

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

А Президиум – нет?

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

А, да, уже кассация... Ведь теперь вступил в законную силу...

ИЗ ЗАЛА

Три инстанции.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да-да. То есть было три и осталось три все равно...

В.Л. ГОЛОВКОВ

В результате у нас складывается локальная судебная практика, которая замыкается в одном регионе, и такая практика одного региона значительно отличается от практики другого региона.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Мы с этим сталкиваемся, да.

В.Л. ГОЛОВКОВ

Кроме того, нужно сказать о том, что в настоящее время существует правило фактически двойного пересмотра – сначала на уровне регионального суда, а затем возможность пересмотра в Верховном Суде Российской Федерации.

Решение таких проблем видится в создании окружных судов. И в таком случае окончательное решение будет приниматься уже не на уровне региона, а именно федеральными окружными судами, и, соответственно, будет обеспечена полная независимость при осуществлении правосудия. Мало того, мы добьемся однократности кассационного производства и реализации того самого принципа скорого правосудия, о котором очень много говорится. И, кстати, исходя из этого и формируется тоже уважение людей к государству, к судебной системе. А мы с этим постоянно сталкиваемся, к нам, к сожалению, не всегда относятся объективно. Так вот, к полномочиям таких судов предлагается передать вопросы кассационного пересмотра всех дел, рассмотренных судами апелляционной инстанции, в том числе региональными судами и судами окружными апелляционными.

Практическая реализация данных предложений видится в следующем. Нужно создать систему федеральных окружных судов, в которую входили бы два уровня судов – это федеральные апелляционные суды и федеральные кассационные суды. При этом необходимо предостеречь о том, что нужно одновременно решить вопрос о сокращении работников аппаратов судов и самих судей, которые занимаются на уровне регионов работой по рассмотрению кассационных жалоб. Опять же почему мы об этом говорим – о том, что без финансовой составляющей ни один из этих вопросов решаться не будет? Высвобождаются финансы – появляется возможность их вложить как раз в создание таких судов.

В качестве базовой модели создания федеральных окружных судов необходимо обратиться опять же к опыту арбитражных судов. Прежде всего, хотелось бы сказать, что у нас в настоящее время существует 10 кассационных округов и 21 арбитражный апелляционный суд, то есть их в принципе немало. Опять же суть предложения заключается в том, что возможно вести речь об объединении этих округов, для того чтобы оптимизировать вопрос судопроизводства. И в этом случае также можно высвободить финансы, для того чтобы уже создать укрупненные округа и, соответственно, исходя из укрупненных округов регулировать вопросы кассационного и апелляционного рассмотрения дел. Вопрос определения окончательного количества кассационных

и апелляционных округов в принципе решаемый, то есть это нужно обсуждать, к этому нужно идти.

В рамках данного доклада я не хотел бы приводить конкретные цифры, я просто хотел бы в последний момент обратить внимание на то, что в недавнем интервью Вячеслава Михайловича Лебедева как раз ставился вопрос о создании федеральных окружных судов. Суть интервью заключалась в том, что действительно сейчас серьезно этот вопрос прорабатывается, и, соответственно, вселяется оптимизм, что этот вопрос будет доведен до конца.

Суть же моего доклада заключается в том, чтобы обратить внимание научного сообщества, коллег на серьезность этого вопроса, на актуальность этого вопроса в настоящее время. И все-таки нужно подойти к этому вопросу более системно и решить вопрос не таким образом, чтобы создать две системы (арбитражных судов и судов общей юрисдикции), а создать единую систему, что в принципе позволит решить также очень важный вопрос унификации судопроизводства в целом. И, соответственно, я думаю, многие задачи судебной системы будут благополучно разрешены. Спасибо большое за внимание.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Вячеслав Леонидович, спасибо. Действительно, Вы правильно сослались на Вячеслава Михайловича, в Верховном Суде уже все это прорабатывается. Теперь есть такие возможности, потому что арбитражные окружные суды – это база. Пожалуйста, не надо никаких новых зданий строить, все это совершенно спокойно может уместиться, и, наконец-то, мы решим... Тоже одна небольшая проблема, но еще неизвестна по правовым последствиям значимость этой проблемы, когда будут разведены проверочные инстанции, потому что не очень хорошо, когда три инстанции в одном...

Я сама работала в областном суде, правда, в советское время, и я вам скажу: мы прекрасно знали, какое дело было и кому оно попадает в кассационную коллегию, и кто докладчик затем на заседании президиума областного суда. То есть даже по тому, кого назначали, было понятно, какой исход. И все сидели рядом, еще по два человека в кабинете, вот было тогда так. Поэтому естественно, что все это было очень... Ну, как? Есть момент еще и личных отношений и некоторой неловкости, не говоря уже... Даже без всякой коррупции и без нечистоплотности, а именно просто вот такое дружеское расположение, когда не очень хочется отменять решение своего коллеги. Это очень хороший вариант.

Спасибо Вам за Вашу позицию, тем более такую обстоятельную. Я думаю, что в этом направлении сейчас все и будет развиваться. А уж если сказал Вячеслав Михайлович Лебедев...

Вы видите, как он все эти годы... что он принял. Это была, вообще, полная разруха. Я все это очень хорошо помню. Повестки не на чем было писать. Помните? В судах, кто знает, в те годы работал, все было разрушено, не было никакой поддержки.

М.С. ШАЛУМОВ

(Говорит не в микрофон.) Решением съезда поручено Верховному Суду внести через Пленум этот законопроект.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Отлично. А я буду, соответственно, мониторить. Спасибо большое. Кстати, у Верховного Суда очень качественные законодательные инициативы, сопоставимые с президентскими, иногда, я вам скажу, даже лучше, потому что, конечно, уровень квалификации высочайший.

Мои коллеги знают, что я не очень хорошо отношусь к конституционной норме о постановлениях Пленума. Ну, был Высший Арбитражный Суд, Верховный Суд, я выступала против. Тем более было два толкования фактически официальных. Это же нормативное толкование в постановлениях Пленума. Ну что уж, давайте вещи называть своими именами. Но то, как сейчас в Верховном Суде выстроен процесс обсуждения этих проектов, как они принимаются, они принимаются тоже не в одном чтении, какой состав участвует, насколько качественные... Вот возьмите последнее – о судебном приговоре какое хорошее постановление Пленума. И я бы не сказала, что выходит где-то за пределы, хотя, конечно, нормативный характер есть, там и терминология определяется, и многое другое. Но они действительно дополняют закон, развивают закон. И это, конечно, создает хорошие правовую систему и базу. Это же обязательно, тем более для судов. А раз обязательно для судов – будет обязательно и для других.

Поэтому приятно работать. И могу сказать, что, конечно, уровень профессионализма, в том числе работы с законодательными текстами, высочайший. И это радует. Профессионализм нашего судейского корпуса громадный.

Но есть еще одна проблема, которую я здесь увидела. Я ее до сих пор не ставила, потому что опять же, когда мне говорят "идеально"... Если бы было идеально, я бы сразу кадровое все одновременно с реформой делала. Посмотрите, а сколько у нас в судейском корпусе людей, которые непосредственно пришли из прокуратуры, из органов следствия. Есть случай, когда стал судьей прямо из кресла прокурора района, например. А ведь вы понимаете, что это только одна сторона, и эта сторона несет свое представление в суд. А ведь судье-то надо прежде всего идейно и одно воспринимать, и другое. Как удерживать этот баланс, когда ты столько лет был связан по своему корпоративному цеху с одной стороной? Но этих ограничений в законе... Скажу, что были

в самом начале, но давно, в 90-х годах, попытки, и я тоже была за. Но когда стала участвовать в уголовно-процессуальной реформе – нет, очень осторожно к этим вещам... Это все должно состояться. Мы придем к тому, когда будут введены такие ограничения. То есть сразу после прокурорско-следственной работы нельзя будет стать судьей, надо поработать хотя бы адвокатом, то есть юристом защищающим, чтобы иметь представление и опыт и тот, и другой. Наверное, это будет для судьбы хорошо.

Но сейчас это, наверное, тот переходный период, вот он уже 15 лет... Сколько и как будет... я не могу пока сказать, должна и сама судебная система созреть. И я знаю, что и руководство Верховного Суда тоже знает об этом моменте. Но он, наверное, тоже накладывает где-то отпечаток на то, что судья, например, говорит: если прокурор не заявил, почему же суд не может по собственной инициативе что-то такое сделать? Наверное, накладывает отпечаток.

Но надо понимать, что ничего враз не бывает. Мы к этому должны прийти, и всему свое время. Но профессионализм не отнимешь ни у прокурорских, ни у следственных работников. И в советское время действительно очень хорошие были база и школа, пусть идейно другие, но мы же меняемся, все меняется. И на то, чтобы воспринять другую идеологию, нужно время. И вот такие разговоры, такие обсуждения, обязательно публичные, – надеюсь, это все работает на нашу общую систему правосудия.

М.С. ШАЛУМОВ

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Михаил Славович, у нас, я Вам сказала, зал до 15 часов.

М.С. ШАЛУМОВ

Потому что у нас еще сегодня совещание.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Михаил Славович, я Вам сказала: если... Я Вам очень признательна, спасибо Вам большое. Вы просто хотели переговорить. Я позвоню Вам тогда, ладно?

М.С. ШАЛУМОВ

Конечно.

Е.Б. МИЗУЛИНА

В общем, я проект внесу обязательно, просто завалены... Завтра 116-й еще идет в Госдуме, поэтому...

М.С. ШАЛУМОВ

То есть Вы планируете, да?

Е.Б. МИЗУЛИНА

Ну, у меня то одно, то другое. Обязательно планирую, и не только этот законопроект. А еще выявили в связи с ситуацией в Ханты-Мансийске... Еще в Уголовном кодексе есть пробелы. Но я сначала направлю (я не буду вносить) вам и в Правительство, хорошо?

М.С. ШАЛУМОВ

Хорошо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

А по 156-й – совершенно точно. Мы готовим большой...

Спасибо большое.

У нас сейчас совместное выступление Обидиной Людмилы Борисовны, доцента кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Нижегородского университета имени Лобачевского, и Сдобникова Вадима Витальевича, председателя правления Союза переводчиков России, профессора кафедры теории и практики английского языка и перевода Нижегородского университета имени Добролюбова, доктора филологических наук.

И приготовиться Клэщиной Елене Николаевне. Извините, если неправильно поставила ударение.

Останется у нас трое выступающих. Мы все успеваем, если только не очень долго.

В.В. СДОБНИКОВ

Да, мы постараемся быть абсолютно краткими.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Пожалуйста.

В.В. СДОБНИКОВ

Уважаемая Елена Борисовна, уважаемые участники парламентских слушаний! Прежде всего, мы хотим выразить всем благодарность за готовность ознакомиться с тем проектом, который предлагает Союз переводчиков России.

Вероятно, вы несколько удивлены тому, что в эту жаркую дискуссию специалистов в области уголовного процесса вмешиваются люди, в частности я, не относящиеся к категории юристов. Но вы же сами прекрасно знаете, что и нормы международного права, и Конституция Российской Федерации гарантируют каждому человеку право свободно выбирать язык общения, в том числе и при осуществлении судопроизводства, и государство гарантирует лицам, не владеющим языком судопроизводства, бесплатную помощь переводчика.

Мы прекрасно знаем из своего собственного опыта, что, к сожалению, в нашей стране нет четко отработанного механизма взаимодействия переводчиков, с одной стороны, и сотрудников правоохранительных органов, органов юстиции, с другой стороны, нет механизма оценки квалификации переводчиков, привлекаемых к процессу, нет единой базы переводчиков, которых в принципе можно было бы привлечь к процессу. В результате страдает эффективность деятельности самой судебной системы. Проще говоря, некачественный перевод, выполненный случайным человеком, отнюдь не способствует совершенствованию самой системы правосудия, а, собственно, этому вопросу, насколько я понимаю, и посвящено сегодняшнее заседание.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, конечно.

В.В. СДОБНИКОВ

Чтобы исправить эту ситуацию, Союз переводчиков России, а точнее – инициативная группа, в состав которой входят прежде всего Людмила Борисовна Обидина, кандидат юридических наук, доцент, и Александр Александрович Ларин, кандидат юридических наук, доцент, присутствующий здесь же сегодня, ну и ваш покорный слуга, предлагает создать институт судебных присяжных переводчиков в нашей стране – институт, подобный тем, которые вообще-то давно уже, не первое десятилетие, существуют в дальнем зарубежье – в европейских странах, в Соединенных Штатах Америки, в Канаде, – очень активно там все это уже налажено.

И вот с этой целью был разработан проект положения о судебном переводчике (он имеется в ваших раздаточных материалах), который определяет права и обязанности судебного переводчика, порядок проведения квалификационного экзамена (а лица, претендующие на статус судебного (или присяжного) переводчика, должны будут сдать квалификационный экзамен) и порядок внесения подобного рода лиц, переводчиков, в единый государственный реестр, который, по нашему разумению, должно вести Министерство юстиции Российской Федерации. И, если это все случится, тогда у правоохранителей и судей появится возможность быстро, оперативно из этой электронной базы выбрать того переводчика, который соответствует определенным критериям – как по качеству работы, так и по тем языкам, с которыми его можно привлекать, и так далее.

Собственно, для этого нужны только внесение определенных изменений в существующие нормативные акты, принятие соответствующего законодательного акта и, как мне кажется, как председателю правления Союза переводчиков России, готовность юридического сообщества и законодателей осуществлять определенные действия, которые позволили бы нам приблизиться к реализации этого проекта.

Нам тоже хочется иметь свою "дорожную карту", и мы очень надеемся на поддержку комитета по конституционному законодательству. Спасибо. И я передаю слово Людмиле Борисовне.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

Пожалуйста, Людмила Борисовна.

Л.Б. ОБИДИНА

Спасибо. Буквально одну минуту.

Уважаемые коллеги! В раздаточном, как Вы выразились, материале почему-то отсутствуют первые две странички самого проекта предложенных изменений в УПК и в другие процессуальные кодексы, потому что вы понимаете, что речь идет не только об уголовном судопроизводстве, но и о гражданском, административном, арбитражном, понятно. Даже три странички. Они здесь есть, они переданы, Елена Борисовна, Вам. У Андрея Александровича это все есть в тексте.

Собственно говоря, в УПК предлагаются очень незначительные изменения, в три статьи (59, 169 и 263), которые упоминают переводчика здесь. Но их редакция очень незначительная. Она связана только с самим фактом принятия, возможно, в виде ведомственного акта, положения о судебном переводчике.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Все-таки надо делать, чтоб он был.

Л.Б. ОБИДИНА

Да. И только после этого, конечно, мы можем говорить, что переводчик привлекается вот таким-то путем. Мы предлагаем немножко уточнить понятие "переводчик" в статье 59 – как "лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных настоящим кодексом, свободно владеющее..."

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, всё есть. У меня всё есть.

Л.Б. ОБИДИНА

Да. И тогда вот эта связка с единым реестром судебных переводчиков... Поэтому очень благодарны Вам за приглашение выступить. Спасибо, что наши предложения... Мы как-то пытались это на уровне нашего Законодательного Собрания Нижегородской области... на месте

начать апробировать, но пока не получается, трудновато. Хотя идея вроде бы всеми поддерживается. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо. Постановка вопроса очень правильная. Мы обязательно включим это в рекомендации, а дальше уже будем обсуждать и готовить. Спасибо.

Клещина Елена Николаевна, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Приготовиться Петухову Евгению Николаевичу. Осталось буквально у нас три последних выступления.

Пожалуйста, Елена Николаевна.

Е.Н. КЛЕЩИНА

Уважаемая Елена Борисовна, уважаемые коллеги! Я очень кратко постараюсь.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, пожалуйста.

Е.Н. КЛЕЩИНА

Принцип разумного срока уголовного судопроизводства был включен в систему принципов в 2010 году.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Без конца правила.

Е.Н. КЛЕЩИНА

Да, я и хотела сказать.

За период действия статья 6¹ неоднократно подвергалась изменениям и дополнениям. Только в период с 2014 по 2016 год статья была дополнена тремя новыми частями. Этими нормами расширяется сфера действия принципа разумного срока уголовного судопроизводства, формируются условия для защиты прав и законных интересов большего числа участников уголовного судопроизводства, чем это было в первоначальной редакции.

И, несмотря на научные дискуссии, которые ведутся относительно содержания принципа разумного срока уголовного судопроизводства, такая позиция законодателей представляется верной. Вместе с тем построение уголовного процесса в соответствии с принципом разумного срока уголовного судопроизводства требует дальнейшего совершенствования системы правового регулирования стадии предварительного расследования. На сегодняшний день в ней реализуется только последующий контроль нарушений разумности сроков уголовного судопроизводства в

форме обжалования заинтересованными лицами таких нарушений в порядке, предусмотренном статьями 123, 124 УПК и Федеральным законом "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок".

Результаты правоприменительной практики за последние годы показывают, что большинство жалоб на нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства в досудебном производстве продолжает удовлетворяться. Это говорит о неэффективности системы предупреждения таких нарушений при производстве предварительного расследования.

Если говорить о стадии предварительного расследования, то представляется, что такая ситуация складывается потому, что статьи 162, 223 УПК, в которых установлены сроки предварительного следствия и дознания в общем порядке, а также основания их продления, действуют в прежней редакции, которая и была до введения в УПК принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Эти нормы УПК не формируют для следователей, дознавателей, их руководителей и начальников так необходимых правовых стимулов к окончанию предварительного расследования в разумные сроки.

Вследствие этого должностные лица, осуществляющие производство предварительного следствия, дознания, в большинстве своем (у меня есть тоже возможность по роду своей деятельности общаться со следователями, дознавателями), если очень кратко, 70 процентов из 100 уверены в том, что соблюдения установленного порядка производства предварительного расследования достаточно для обеспечения разумности его сроков, и не видят необходимости в учете обстоятельств, определяющих разумный срок уголовного судопроизводства в повседневной деятельности.

Отдельными ведомствами, осуществляющими производство предварительного расследования, а также на межведомственном уровне предпринимались попытки, направленные на обеспечение контроля разумности сроков предварительного расследования при их продлении. Однако принцип разумного срока уголовного судопроизводства как основополагающее положение, как принцип должен находить реализацию в нормах УПК. И, как представляется, не ведомственные акты должны уточнять, как реализовывать этот принцип. Поэтому думается, что в статьях 162, 223 и, наверное, 226^б УПК все-таки эти нормы должны быть сформированы с учетом этого принципа. Вот так, если совсем кратко.

Е.Б. МИЗУЛИНА

И как?

Е.Н. КЛЕЩИНА

Ну, надо подумать.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Потому что мы, когда готовили, изучали решения Европейского суда по правам человека, еще тогда, в те годы. Там же впервые стал использоваться этот термин?

Е.Н. КЛЕЩИНА

Да.

Е.Б. МИЗУЛИНА

И у них разумный... В частности, чтобы человек задержанный предстал перед судом, у них разумность – это максимум пять суток. Из чего мы 48 часов плюс 72 и закладывали. Так у нас и так, без слов разумности, разумный срок был заложен.

Когда же появилась... Я просто скажу, что, читая массу законов (и сейчас анализировала по статье 6¹), там чем дальше... каждый следующий закон еще бóльшую неопределенность вносит в этот термин "разумный срок". Он все разрастается-разрастается и становится все более неопределенным. Вы правы, что это надо в конкретных статьях... но тогда мы выходим на то, что нужно какие-то сроки определять либо ограничение по меньшей мере, что за пределами этого уже неразумно.

Даже по тому же дознанию... Вот я сейчас смотрю, дознание... опять вернули две недели, а у нас ведь было первично, когда мы приняли, 20 дней и продлить можно...

С МЕСТА

15 сначала.

Е.Б. МИЗУЛИНА

15, то есть так, как сейчас. 15 и продлить можно было до 20 или до 30?

С МЕСТА

Нет, потом сделали 20, потом – уже 30.

Е.Б. МИЗУЛИНА

А потом начались эти изменения. Ведь закладывалось то, чтобы действительно как можно быстрее по несложным или очевидным делам, в короткие сроки осуществлялось дознание, его считали как бы сокращенным следствием. И, соответственно, тебе и эти показатели раскрываемости... Но люди выигрывают от этого, потерпевшие выигрывают, система в целом, это рационально.

Но потом начались стоны, что невозможно уложиться. Ну, невозможно – значит, невозможно. Мы не единственные, во всем мире в течение определенного времени... в Японии – двое суток, где-то...

С МЕСТА

В Германии, если ночью задержали за кражу, утром он должен быть доставлен в суд уже. Всё. Законное лишение свободы.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Если этого не произошло, значит, уголовное дело просто не имеет перспективы. Тогда и не надо ни возбуждать, ни преследовать. Оно откладывается. Если вдруг когда-то наткнутся, как американцы рассказывали, при каком-то деле, тогда его достают из этих... Там сроков-то как бы... Тем более если лицо не привлекалось (у них же все с лиц начинается)... Был факт, там, 150 лет назад, но лицо-то не привлекалось, соответственно, наткнулись, они просто достают тот материал, и у них начинается сама процедура уже в рамках процесса. Ну, рационально же? Рационально.

Мы специально у них интересовались. Да, у них основная мера пресечения – это арест. У нас не так. У них основная мера пресечения – арест. Но у них основная масса там больше суток не находится. Если вдруг выяснилось, что не тот, тут же отпускают. И ничего не компенсируют этим людям. Ну, извиняются, говорят: вы извините. И этого достаточно в принципе. Всех призывают к пониманию того, что надо же раскрывать преступления. Ну, ясно, что кого-то мы можем задержать, но нам надо сразу это сделать, чтобы не выпустить кого-то, что совершил.

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Конечно. Но это людям объясняют, обществу. Мы разговаривали с людьми, они говорят: мы относимся к этому терпимо, мы знаем, что сейчас разберутся, выпустят, все нормально.

Но у нас-то если задержали, то будут держать до бесконечности. А потом не знают, как дело закрыть, потому что уже сидят люди месяцами, годами. Это тоже неправильно. И тратятся силы, энергия.

Спасибо вам. Зафиксировали. Если есть что-то письменное, давайте. Все зафиксировали, и статьи тоже, обязательно пообсуждаем и посмотрим.

Петухов Евгений Николаевич, заместитель декана юридического факультета Алтайского государственного университета.

Приготовиться Мяхановой Александре Николаевне. Это будет последний выступающий.

Пожалуйста, Евгений Николаевич.

Е.Н. ПЕТУХОВ

Спасибо за приглашение. Признателен, что пригласили и дали возможность выступить, но буду краток, потому что время поджимает.

Мы с вами сегодня говорили о терминологии. Елена Борисовна совершенно верно определила, что уголовный процесс – это понимание терминов, которые есть в уголовно-процессуальном законодательстве. Нам помогает их понять, конечно, статья 5, спасибо вам за нее. Нам помогает понять и уяснить смысл то, что хотел вложить в те положения УПК законодатель, которые он принял, и мы должны их применять. И ваш комментарий 2002 года на первоначальном этапе, конечно же, помогал уяснить этот смысл и порядок применения. Я тоже окончил нижегородскую академию...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Хорошая академия.

Е.Н. ПЕТУХОВ

Да. Как и Александр Сергеевич, хотел бы уловить вот эту тональность сегодняшнего нашего мероприятия, и уловил ее так, вспомнив профессора Пашуканиса: нет сегодня плохих законов, есть недостаточные комментарии, наверное, к ним.

Ну и Светлана Ивановна Вершинина уже затронула тему об обязанностях. Я тоже хотел бы вот эту идею высказать.

Смотрите, что происходит: если мы с вами берем судебное следствие, то у нас тормозится это судебное следствие (уж простите за такой термин), потому что судья становится зависимым от сторон – от государственного обвинителя, от защитника. Я специально догнал сегодня господина Резника и спросил у него: "Вот этот прецедент, когда защитник отказывается от защитительной речи в судебных прениях, как расценивать?" Он однозначно сказал, что это императивные нормы и их нужно исполнять, иначе мы с вами не получим справедливого правосудия. Так вот, в судебном следствии тоже много таких моментов, когда мы с вами в законе читаем: участие... А раз нет понимания, что такое участие... Ну, сегодня много говорили о добросовестности. Идеализируем картину добросовестности сторон, потому что если мы с вами возьмем сельские районы, то Цицеронов там среди государственных обвинителей и защитников не так уж и много, и в основном они смотрят на судью и, по сути, бездействуют. Я бы хотел как раз сказать об активности сторон в осуществлении правосудия. А для этого (и как Светлана Ивановна в своих работах пишет, и как профессор Корнуков со своими учениками говорит) должна быть модель

поведения, должного поведения. А это могут определить только обязанности. Поэтому три маленьких вопроса, куда бы нужно внести эти изменения, использовать вот этот термин "обязанности".

Елена Борисовна, Вы правильно сказали, что нет прав и обязанностей у следователя, есть полномочия. Томские представители здесь тоже присутствуют... Юрий Константинович Якимович в последней своей работе написал, что и у адвоката – тоже полномочия. Полномочия активизировать как? Через императивные нормы. Поэтому, когда мы с вами берем судебное следствие, судья выясняет отношение подсудимого к обвинению. У него есть право, он отказывается это отношение выражать. Ну, раз у защитника есть полномочие, тогда пусть он выскажется, пусть свою позицию заявит по отношению к изложенному обвинению, и тогда у нас будет как раз состязательный процесс, равенство. Ну, зачем из этого делать тайну? Судья-то должен вынести справедливое решение, внутреннее убеждение должен сформировать. Если не знает мнения сторон, как он это сделает?

Второй момент, уже связанный с движением этого процесса, – нужно исключить возможность воздерживаться сторонам от ходатайств. Допустим, когда нужно изменить порядок исследования доказательств, кто-то не пришел, допустим, из свидетелей или... нужно ходатайство. А если стороны воздерживаются от заявления такого ходатайства, что судье делать?

Я ходил к нашим судьям, которые работают в алтайском суде, перед тем как приехать, они говорят: "Да, мы как-то пытаемся активизироваться сами в этом направлении, ну, практически вытребовать это ходатайство".

Дальше, когда не является опять же потерпевший или свидетель, без их участия происходит... Огласить их показания тоже ведь можно только после ходатайства сторон. А если они воздерживаются от этого? Поэтому нужно просто исключить этой терминологией – не через обязанности, пусть через другие – "не вправе", "должен". Вот через такие термины мы как раз активизируем процесс и сделаем должное поведение участников в процессе. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

А вот позволю себе не согласиться, Евгений Николаевич. А если сторона не хочет заявлять ходатайство, чтобы огласили показания свидетеля или потерпевшего, который не явился на судебное заседание? Ведь она это может сделать и сознательно. Почему введены эти нормы? Это как раз из серии института недопустимых доказательств, чтобы не по слуху, не из непосредственных показаний свидетеля в суде судья делал вывод. А ведь когда мы говорим, что можно оглашать, еще и судья... Фактически Вы ведете к тому, что, может быть, либо обязать

сторону, чтобы она обязательно заявляла ходатайство, либо судью наделить соответствующими полномочиями по собственному усмотрению, тогда мы всё нивелируем. То есть у нас опять тогда можно не ходить в суд, можно оглашать, можно... А был ли свидетель в ходе досудебного производства – неизвестно. Пока у нас досудебное производство такое, какое есть (длительное, письменное, несостязательное), у нас другого варианта быть не может. Не меняя досудебное производство, просто обязать сторону, чтобы хотя бы какая-то из них заявила ходатайство, или наделить полномочиями судью, чтобы он был активным, – это фактически вернуться к тому, что было. Но в советской системе, не будем забывать, были и партдисциплина, и многое другое. Сейчас у нас такого нет и не может уже быть. Поэтому это...

Е.Н. ПЕТУХОВ

Елена Борисовна, извините... А была же возможность заявить о недопустимости доказательства?

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да.

Е.Н. ПЕТУХОВ

Если не использовал, значит, оно должно исследоваться?

Е.Б. МИЗУЛИНА

Так вот, если сторона не заявила, чтобы огласили показания, значит, их для суда нет, их просто нет для суда, значит, выносить так, как есть. Какое решение выносить? Может быть, и оправдательный приговор, может быть, и прекращение уголовного дела. Я не знаю, всё зависит от конкретных обстоятельств. Не знаю.

С МЕСТА

Елена Борисовна, помните, у нас в УПК была норма: если в ходе досудебного производства соответствующее ходатайство не последовало в виде алиби и так далее, то в судебном заседании оно уже не может быть заявлено. Потом, правда, ее быстро исключили. Хотя хорошая норма была.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Хорошая норма, да. Как раз...

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) По-моему, путаница в терминах "согласие" и "ходатайство". Там написано "с согласия". Это разные вещи.

Е.Б. МИЗУЛИНА

По ходатайству стороны, по-моему.

Е.Н. ПЕТУХОВ

Ходатайство. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо. Есть о чем думать. Я зафиксировала всё это. Тем более что применительно к терминам (там, "участие"...) надо посмотреть, как и что прописано, и действительно, если не прописано, в чем участие... Вроде прописано, но надо посмотреть. Конечно, речь идет не только... а уж тем более позиция стороны, отказ от такого высказывания этого мнения... Вы действительно здесь правы, что это более чем странно. Хотя если нет спора и согласен подсудимый с предъявленным обвинением, есть какой-то набор доказательств...

С МЕСТА

Если с 2018 года суд присяжных и в районах начнет... то, наверное, увеличится количество этих...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Там другая процедура, в суде присяжных.

Пожалуйста, Мяханова Александра Николаевна, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Бурятского государственного университета, судья в отставке.

Пожалуйста, Александра Николаевна.

А.Н. МЯХАНОВА

Я прошу прощения, завершаю, поэтому очень-очень быстро, тезисно скажу то, что хотела сказать.

Вообще, очень неожиданно для меня то, что здесь, на парламентских слушаниях, были такие достаточно резкие заявления. У меня почти 30 лет стажа, я работала и адвокатом, и следователем по особо важным делам, и судьей по уголовным делам, и я не ожидала, что здесь могут быть такие резкие высказывания.

И второе – хотела поблагодарить представителя Конституционного Суда за поддержку статьи 237, неожиданным было...

Я вообще хотела очень узко выступить, но еще задену пару вещей, поскольку статью 237 уже многие задели. Я хотела сказать на примере статьи 108. Статья 108 мной была проанализирована, а я в принципе отошла от УПК, уже преподаю уголовное право сейчас, но, поскольку у меня уже шесть лет в Бурятии единственная, как говорит Мацкевич Игорь

Михайлович, уникальная передача выходит на телевидении, как не стать жертвой преступления, как не стать преступниками, с практиками, с колониями, со всеми делами, я сталкиваюсь с этим, естественно, разъясняя все новинки и слушая обратную связь. Анализируя статью 108, я как-то обратила внимание на то, что мне не понравилось несколько приговоров, я решила обобщить. Я обобщила по нескольким регионам, посмотрела и сказала: "Ребята, я вижу, здесь практически везде часть первая статьи 105 ". То есть следователя сейчас загнали в те рамки, о которых уже многие говорили, ему надо предугадать, какое будет решение в суде, чтобы у него не было ни максимального, ни повыше, ни пониже, чтобы прямо практически совпадали, раз он отвечает и за раскрытие, и за расследование. Следствие – это вообще-то предварительная, скажем... Ну, сейчас следователи лишены той наступательности, зависимы, им нужно, чтобы обязательно прошло решение, чтобы не было вот этой пресловутой хотя бы статьи 237 в то время.

Поэтому я опросила большинство следователей, и они сказали: да, уже не тайна то, что нам нужно, чтобы был приговор. Поэтому, естественно, если два человека сидели и пили, возникла ссора, один скончался, то второй что говорит? Все грамотные, он говорит: "Он первый на меня напал". Всё! Записали, и больше ничего нет. А если берем предыдущие характеристики, допустим, то, что мы раньше расследовали, какой тот человек был и прочее, прочее, чтобы было хотя бы часть на статью 105 и ушло в суд со статьей 105. Нет, это будет статья 108. Вот в соседних регионах, благо там сейчас приговоры в открытом доступе, посмотрела в других регионах, в принципе эта ситуация практически везде такая, с учетом того, что это еще и особый порядок.

Особый порядок – это вообще отдельная песня, тоже немножко скажу. Мне не нравится такая позиция, поскольку и сейчас, высокоуважаемое собрание, все говорили о правах обвиняемых, о судьях, о прокурорах, об адвокатах, правах, полномочиях. Все! Нет потерпевших вообще. И какая здесь справедливость может быть, если у человека убили кого-то из близких, а он затем идет по статье 108? Практически у всех у них, естественно, условное осуждение. Это один момент. И второй момент – это то, что у нас убийцы ходят на свободе, не получив должного справедливого наказания.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Извините, не соглашусь с Вами. Здесь очень хорошее предложение применительно к прекращению уголовного дела судом и о пробеле в уголовно-процессуальном законодательстве, как разрешить гражданский иск потерпевшего. Так что звучал "потерпевший", и не только в этом выступлении.

А.Н. МЯХАНОВА

Нет, я в плане таком, когда негражданские... Почему-то часть людей думают, что важно людям получить компенсацию именно в денежном выражении. Очень многим важна справедливость, чтобы человек был наказан, это очень важно для людей. Но я рада, что это вызывает отклик.

И по статье 237 я хотела сказать, что в принципе я на своем опыте убедилась и согласна с тем, что судья должен иметь возможность по своему усмотрению направить дело по статье 237. Почему? Потому что прокурор иногда не владеет информацией. Да, это технический вопрос, но тем не менее он затрагивает права граждан. Иногда прокурор не может это предусмотреть на стадии, когда утверждает... Эти обстоятельства не были, к примеру, известны, а всплыли только в суде. То есть вопрос возникает. Поэтому здесь огромная благодарность Конституционному Суду, после чего были внесены изменения в статью 237 в 2014 году. Вот этот особый порядок в раздаточном материале подтверждает как раз то, что я сказала, – это 50 процентов особого порядка. Мне кажется, уже назрел вопрос об анализе вообще особого порядка, потому что многие практики, естественно, знают эту проблему, каким образом иногда решаются вопросы, – особый порядок, и ничего дальше не идет. Сколько людей там осуждено (как мягко выразиться?) не совсем законно... Как бы вот у меня всегда есть такой... Я тоже изучала этот вопрос, исследовала за последние несколько лет (шесть лет). У меня сейчас времени много, изучаю все это.

Теперь насчет статуса следователя. То, что его немножко принизили, – это мало сказано. И вот как раз разумные сроки... Я прилетела из Бурятии. Вы знаете, что позавчера началась эта трагедия, уже скончались у нас 54 человека из-за этого суррогата (статья 238). Казалось бы... Вот если бы это раньше было, когда следователи расследовали по этой статье 238, к примеру, по старому УК РСФСР, в рамках этого дела (там незаконный сбыт был бы) я бы начала дальше смотреть и вышла бы на тот цех, где разливали это спиртное. А там еще 20 человек в больнице лежат. Это Иркутск, достаточно цивилизованный город, это Новоленино, это академгородок, это центр, в общем-то.

А сейчас – нет, сейчас поставлена задача узкая: вот у вас есть этот эпизод, вы его заканчивайте. Это будет галочка, это будет разумный срок, за который всех этих несчастных следователей ругают. Иногда не оправдано вот это понятие разумного срока, что надо быстро-быстро... Иногда нужно посмотреть. 54 трупа... Вот сейчас все пишут, я смотрела, началась борьба, кто прав, кто виноват, и письма... И вот ответ, по-моему, Заместителя Председателя Правительства: извините, граждане, вы к нам обращаетесь, чтобы запретить этот "Боярышник", а мы не можем, он законный.

Еще такой вопрос... Это все касается принципа целесообразности. Конечно, принцип справедливости, принцип законности как бы в таком обществе я обсуждать не собираюсь. Принцип целесообразности...

И еще один вопрос. У нас Бурятия последние 10 лет занимает лидирующие позиции (из пятерки вообще не выходит) по количеству детских смертей, суицидов. И сейчас очередные две девочки у нас повесились, покончили с собой (не помню точно, повесились или нет, одна повесилась точно), группа смерти. Я брала интервью три месяца назад у Дмитрия Плоткина, эксперта по особо важным делам прокуратуры Рязанской области (мы знакомы с 90-х годов), который поднял эту тему. Но никто же его сначала не поддержал, было полное неприятие – это не статья 110. Следственный комитет собрался – это не статья 110. Он вообще поднимал вопрос о статье 105. Генеральная прокуратура тоже вынесла решение – это не статья 105 никаким боком и не статья 110. И все, кто занимается уголовным правом, в принципе знают, что до статьи 105 здесь далеко. Но сейчас ведь арестовали этого Лиса в преддверии годовщины, потому что испугались, что могут дальше быть эти смерти, потому что не знают, что делать.

Может быть, иногда не надо ставить вопрос о том, что следователи должны точка в точку совпадать? Почему у нас 98 процентов удовлетворенности по арестам и по ходатайствам по обыскам? А потому что уже все знают судебную практику и знают, с чем идти, а с чем не идти. А какой смысл? Иногда этот смысл есть, потому что он измеряется в человеческих жизнях. Я прошу прощения.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Александра Николаевна, спасибо.

Вот по вот этим суицидам год назад я обращалась с запросом, когда Лига безопасного Интернета, мониторинг Интернет, вскрыла в социальных сетях такие закрытые группы, где фактически они выявили, что это организованное подстрекательство к совершению детьми суицидов. Я направила запрос в Следственный комитет. Прошло больше года. Я не думаю, что сейчас эта версия о том, что они все-таки по статье 110 квалифицировали, что это связано только с какими-то личными моментами, ну, не то что личной, там, служебной заинтересованностью... Нет. Там, насколько я могу судить по этим делам, действительно вскрыты организованные группы, но с конкретными детьми состояли конкретные лица в этой переписке, и детей мало того что обучали, как и что сделать... То есть здесь речь идет уже применительно к статье 110, речь идет не вообще о группе... То есть первично у меня тоже... Я что и писала-то... Я еще написала, что, может быть, нужны поправки в закон, потому что речь идет о неопределенном количестве детей, которые

могут стать участниками такой организованной группы и быть подвергнуты такому влиянию. Но здесь в уголовном деле они вскрыли именно конкретную работу с конкретными детьми, заставляя их еще и уничтожать эту переписку. То есть на самом деле здесь вполне возможна и правильная квалификация, но по каждому из этих 15... там уже не 15, больше эпизодов.

А.Н. МЯХАНОВА

Там гораздо больше.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Но то, что такие организованные группы... Сначала на меня тоже... что это какая-то выдумка. Это не выдумка, это Лига безопасного Интернета готовит...

А.Н. МЯХАНОВА

Я знаю этот вопрос.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Поэтому, да, здесь... Но по квалификации... Я тоже задумалась относительно того, что в нынешнем Уголовном кодексе нет... Некоторые составы, так же, как, например, в Ханты-Мансийске... У нас введены установленные правила организованной перевозки детей. А вообще, посмотрите Уголовный кодекс с точки зрения нарушения прав детей, когда дети становятся... в том числе смерть по неосторожности. Вы найдете в статье 264 уголовную ответственность за то, что пострадали дети, если осуществлялась организованная перевозка? Нет. А совершенно очевидно, что степень ответственности должна быть гораздо больше, это квалифицирующий признак.

А посмотрите по халатности... У нас там что-нибудь есть по детям? Два и более... смерть по неосторожности. А применительно к детям, особенно организованная перевозка... Я понимаю, что, когда едут... В данном случае (Ханты-Мансийск) это должностные лица, в том числе спортивной школы, и речь шла об организованной перевозке. Ну, конечно, надо было все проверить. Но специальной ответственности нет. И у нас действительно есть пробелы (спасибо, что Вы на это обращаете внимание) в Уголовном кодексе.

А.Н. МЯХАНОВА

Я на лекциях всегда говорю, что УПК состоит из пробелов. *(Оживление в зале.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нет, не УПК, речь идет об УК.

А.Н. МЯХАНОВА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нет, УПК не может состоять из пробелов. Но я Вам должна сказать, что применительно к УПК это не так опасно, потому что существует принцип процессуальной аналогии. Вот в Уголовном кодексе нельзя по аналогии... а в Уголовно-процессуальном – можно. Но если Вы видите какие-то пробелы (в частности, Вы про потерпевших сказали), скажите где, потому что применительно к потерпевшим все талдычат с самого принятия УПК. А на что у нас прокуроры? Они на одной стороне. Почему прокурор, следовательно так грубо зачастую обращаются с потерпевшим? Это же их свидетель, свидетель стороны обвинения.

То есть у нас очень много вопросов, которые связаны еще и с работой со следователями, прокурорами, дознавателями, объяснением им, что это их сторона. Но мы очень много внесли поправок, касающихся прав потерпевших на получение разного рода документов, заявление ходатайств. Поэтому, если что-то пропущено, скажите, пожалуйста, и сформулируйте эти предложения. Ладно? И мы посмотрим. Если чего-то недостает, обязательно надо будет включать. Хотя я вам могу сказать: по оценке международных экспертов нашего УПК, чтобы так защищались права потерпевших – такого нигде нет.

Мы с американцами, например, сравнивали, у них вообще потерпевшего в процессе... как свидетель обвинения и всё. Никаких гражданских исков, никаких прав, он вообще никакого отношения не имеет, потому что уголовный процесс – это публичная сфера, это дело государства, и здесь только права того, кого государство называет подозреваемым, обвиняемым, чтобы со стороны государства не было беспредела. Его права в этом отношении защищаются. А потерпевший... Ты же отдал государству преследование преступников! Вот я государство, скажи, что не так, я это делаю, чтобы у других этого не было, я добиваюсь того, чтобы наказание было потом неотвратимым и так далее. Таким образом государство якобы выполняет функцию защиты потерпевшего.

Мы этому очень удивлялись и говорили: в нашей традиции это не так, и нам людям не объяснить... Поэтому у нас и процессуальный статус потерпевшего, и, более того, мы уточняем и уточняем его права. И здесь мы с вами солидарны. Просто надо сформулировать, чего еще недостает. Пожалуйста, в письменном виде. Вы очень хорошо все формулируете. Поэтому, если что-то будет, присылайте. Хорошо? Спасибо большое.

Коллеги, у нас выступили 16 человек. Поступило очень много и письменных предложений, и сейчас мне передали. Мы с вами договариваемся, что до 12 января есть время для того, чтобы

направить ваши предложения, выступления в письменном виде. У кого состоялись – хорошо, вы пришлете – замечательно, помимо стенограммы, это будет легче, это будет так, как вы видите.

Если у вас не состоялись выступления, но есть что предложить – пожалуйста, мы тоже включим это в наш сборник по итогам парламентских слушаний, потому что такие сборники – это все то, что потом является предметом для анализа и для последующей работы и нашей, и других, кто к этой работе подключается, кто заинтересован.

Я хочу поблагодарить всех за активное участие. Спасибо вам. Это обмен мнениями. Ни одна точка зрения здесь не является первичной. Но этот обмен мнениями очень важен и для последующих размышлений над тем, что сегодня мы услышали и что обсуждали. Я надеюсь, что благодаря такого рода обсуждениям наша сфера уголовного правосудия будет становиться более совершенной и доверие между людьми, обществом и сферой правосудия (и правоохранительные органы, и суды...) будет расти. Я не вижу другого. Считаю, что именно такими обсуждениями мы делаем шаги в сторону справедливой системы правосудия, уголовного правосудия.

Спасибо всем за вашу открытость и профессионализм, которые вы все сегодня здесь проявили. Удачи! С наступающим Новым годом! Желаю всем семейного счастья.
